

An artistic illustration of a woman in traditional Chinese clothing. She wears a vibrant orange and yellow robe with a green sash. Her hair is styled in an elaborate updo adorned with a golden crown featuring blue and orange gemstones, and long, beaded tassels. She holds a glowing yellow flame in her right hand and a closed book in her left. In the background, a large white crane with a red crest is depicted in flight against a dark, starry sky. The overall style is reminiscent of traditional Chinese ink wash painting with modern digital art techniques.

НАСЛЕДНИЦА ЖУРАВЛЯ

ДЖОАН ХЭ

Джоан Хэ
Наследница журавля
Серия «Young Adult. Азиатское
магическое фэнтези»
Серия «Young Adult. Китайское
магическое фэнтези»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18739630*

Наследница журавля: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-151222-4

Аннотация

Принцесса Поднебесной Хэсина всегда мечтала о жизни, в которой нет места дворцовым интригам и тяжелому бремени власти. Но однажды девушка находит бездыханное тело любимого отца, у губ которого клубится необычный золотистый дымок. Хэсина понимает – император был отравлен при помощи магии. Но ведь магия объявлена вне закона много веков назад.

Императорский двор полон заговорщиков и лгунов, жаждущих воспользоваться смертью правителя в своих корыстных целях. И Хэсина намерена найти среди них убийцу. Чтобы узнать правду, девушка решается на отчаянный шаг:

обращается за помощью к предсказателю, встреча с которым карается смертью.

Когда будущее страны поставлено на карту, истина может стоить слишком дорого. И только настоящая мудрость, присущая наследнице трона, способна разрушить путы лжи, которые окутали ее империю.

Содержание

I. Измена	8
Один	9
Два	25
Три	48
Четыре	64
Пять	81
Шесть	98
II. Суд	117
Семь	119
Восемь	141
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Джоан Хэ

Наследница журавля

Joan He

DESCENDANT OF THE CRANE

© 2019 by Joan He

Published by arrangement with Folio Literary
Management, LLC.

© 2019 by Joan He Published by arrangement with Folio
Literary Management, LLC

© Федотова А.С., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ДЖОАН ХЭ

НАСЛЕДНИЦА ЖУРАВЛЯ

Freedom

Моим родителям.

*Благодаря вашим жертвам я обрела
способность мечтать*

I. Измена

«Продуманный костюм подобен новой личности, – говорил отец, надевая мантию простого горожанина. – До момента возвращения я больше не король».

«Научи меня делать костюмы», – взмолилась дочь.

Он научил ее этому и многому другому. При свете свечей он поведал ей все известные ему способы выбраться из дворца, ибо король Вэнь любил правду, а ее едва ли можно было отыскать в парадных залах.

Один

*Что есть правда? Ученые мужи ее ищут.
Поэты ее воспевают. Хорошие короли отдают
золото, чтобы ее услышать. Но в тяжелые времена
правда – это первое, чему мы изменяем.*
ПЕРВЫЙ из **ОДИННАДЦАТИ** о правде

Правда? Это всего лишь переодетая ложь.
ВТОРОЙ из **ОДИННАДЦАТИ** о правде

Тому, кто решился на измену, было не найти ночи идеальнее этой. Траурные церемонии, длившиеся три дня, завершились, и почти все горожане разошлись по домам, чтобы поесть – впервые за это время. Некоторые остались, но их внимание было приковано к Восточным воротам, через которые должна была въехать королева, возвращаясь в город с ежегодным визитом.

По улицам пополз туман. Он стекал с Шаньлонских гор, находившихся неподалеку, и окутывал выложенные известняком бульвары. А когда он спустился во внутренний двор дворца, вслед за ним показались девушка и ее брат.

Они вышли из тайного прохода, который был хорошо известен девушке, – пожалуй, даже слишком хорошо, учитывая ее статус, – и торопливо заскользили между дворцовыми постройками и укреплениями по направлению к рыночным

рядом. Когда они добрались до ветхой арки, которая вела в квартал красных фонарей, в животе девушки словно вспыхнул тлевающий уголек. Эта часть столицы империи пользовалась дурной славой. Некоторые приходили сюда, чтобы купить тепло. А она?

Она пришла, чтобы купить правосудие.

Но прежде, чем она успела сделать шаг вперед, брат остановил ее.

– Миледи...

Она бросила на него раздраженный взгляд. О чем он думал, обращаясь к ней «миледи» в этом месте? Чего там, мог бы сразу назвать ее принцессой Хэсиной.

– Да, Цайянь?

– Еще не поздно вернуться.

Хэсина сжала в руке стеклянный пузырек, висящий на ее широком шелковом поясе. Да, они могли вернуться. Стоило ей позволить себе, и вся ее решимость поблекла бы, словно облачко яда, заключенное в пузырьке. Это было легко. Решить, как жить с этим дальше... гораздо сложнее.

Сдавлив пузырек еще сильнее, она повернулась к брату. Он казался на удивление спокойным, как будто ему не грозила смерть от тысячи порезов¹ за то, что он собирался совер-

¹ Имеется в виду линчи (с кит. буквально «смерть от тысячи порезов») – мучительный способ смертной казни путем отрезания от тела жертвы небольших фрагментов в течение длительного времени. Такая казнь применялась в Китае за государственную измену и отцеубийство вплоть до 1905 года.

шить. Хотя его ханьфу² был неаккуратно пошит, он все равно выглядел безупречно. Каждый темный волосок в тугом пучке лежал на своем месте.

– Сомневаешься? – Она надеялась, что он ответит «да». Все-таки это был Янь Цайянь. В пятнадцать лет он сдал экзамены и поступил на государственную службу. В семнадцать стал виконтом императорского двора. К девятнадцати заслужил славу человека с безупречной репутацией и безупречным умом. Сейчас он впервые в жизни принимал неверное решение ради нее.

Он ответил вопросом на вопрос:

– Как бы вы отыскиали дорогу?

– Что, прости?

Цайянь поднял бровь.

– Вы надеетесь, что я скажу «да», потому что хотите продолжить путь в одиночестве. Но мы договаривались иначе: я поведу вас до конца или не поведу к этому человеку вообще.

Мы договаривались. Один Цайянь мог говорить об измене так скучно.

– Я не смогу защитить тебя. – Хэсиная завела одну ногу за другую под подолом своего рюңюня³. – Если нас схватят... Если кто-нибудь нас заметит...

² Ханьфу – традиционный китайский костюм.

³ Рюңюнь – один из старинных видов женского ханьфу, состоящий из блузки и юбки с запахом.

Под отвесом черепичной крыши ветхого ресторанчика какой-то мужчина забасил оперную мелодию, потом послышался звон бьющегося фарфора. Но голос Цайяня все равно прорезал ночь.

– Вы не обязаны меня защищать, миледи. – Он смотрел куда-то вдаль, и его профиль резко выделялся в свете красного фонаря. – Он был и моим отцом тоже.

В горле Хэсины стал ком. Она была обязана защищать его так же, как это делал ее отец – их отец. «Не в наших силах повлиять на жизнь каждого человека на земле, – сказал он ей десять лет назад. В тот зимний день он привел во дворец близнецов – худенькую девочку и болезненного мальчика, детей трущоб. – Но если мы способны поднять хоть кого-то своими двумя руками, этого достаточно».

Хэсина не помогала Цайяню подняться, она сбивала его с пути. Но когда он протянул ей руку, она, к своему изумлению, сжала его пальцы. Уверенность брата передалась ей, и они вошли под арку вместе.

Они попали в мир кособоких домишек: чайных и ресторанчиков, борделей и лавок ростовщиков, – которые жались друг к другу, словно трубочки во флейте Пана⁴. Из дверных проемов, прикрытых бумажными шторами, вываливались полуодетые мужчины и женщины, покачивавшие опре-

⁴ Флейта Пана – многоствольная флейта, состоящая из соединенных вместе цилиндрических трубок разной длины. Флейта носит имя древнегреческого бога лесов и полей Пана, покровителя пастухов, его часто изображали играющим на многоствольной флейте.

деленными частями своих тел. Хэсина отвела взгляд и прижалась ближе к Цайяню.

– Мне лучше идти впереди. – Когда-то Цайянь называл домом улицы похуже этих и теперь прокладывал путь среди торговцев с поразительной легкостью. На встречавшихся им попрошайек он не обращал никакого внимания. Даже на того, что следовал за ними с тех пор, как они зашли в квартал.

– Берегитесь ночи! – кричал бедняк, потряхивая треножником Дин⁵, в котором перекатывались монеты. Хэсина замедлила шаг, но Цайянь потянул ее вперед. – Берегитесь дождей, короны и дара предвидения!

– Не обращайтесь на него внимания. – Глаза Цайяня сосредоточенно блеснули. – Он говорит об ушедшей династии.

Но в ночь, подобную этой, прошлое казалось настолько близким, что становилось неуютно. Хэсина поежилась, подумав о событиях, происходивших три сотни лет назад. Крестьяне тонули во время наводнений, а зимами погибали от голода. Былые императоры погрязли в любовных утехах, военных завоеваниях и поисках эликсира бессмертия в то время, как придворные пророки использовали дар предвидения, чтобы пресекать на корню любые попытки сопротивления. А больных и умирающих от голода людей, у которых не оставалось сил для борьбы, они утешали видениями о чудес-

⁵ Треножник Дин – древний китайский бронзовый котел, который использовали как для приготовления пищи, так и для ритуальных жертвоприношений духам предков.

ных временах, которые вот-вот настанут.

И они настали — благодаря одиннадцати неустранимым изгнанникам, которые перебрались через Нингские горы, прошли через дюны королевства Кендия, пробили брешь в городской стене и обезглавили последнего из былых императоров, прежде чем он успел подняться с трона. Они освободили рабов и отправили их строить плотины и дамбы. Бури прекратились. Реки вернулись в свои берега. Бывшие изгнанники дали женщинам и крестьянам право на образование, а последователи изложили их философию в книге, которую называли «Постулатами». Одиннадцать героев — так именovali их люди страны Янь. Легендарные спасители.

— Берегитесь дьявола лжи.

Но чтобы родились герои, непременно нужны были злодеи. Ими стали приверженцы императора: пророки. Одиннадцать героев узнавали их по крови: она испарялась быстрее человеческой и горела голубым пламенем. Спасители сжигали их на кострах десятками тысяч, чтобы защитить страну, вступившую в новую эпоху, от обмана и интриг.

Но какой бы ни была цель, убийство оставалось убийством, а мертвецы — мертвецами. Хэсина не понимала, почему люди продолжали ненавидеть пророков. Но порой — как, например, сейчас, под зловещие выкрики нищего — жалость, которую она испытывала к ним, превращалась в страх. Он тут же начинал множиться, подобно термитам, и вгрызался в ее представление о провидце, пока оно не рушилось, а его

место не занимал новый образ: безликая голова на обугленном теле, безглазый, беззубый монстр прямиком из Десяти судилищ ада⁶.

Когда Хэсине удалось усилием воли выбросить эту картинку из головы, нищего позади них уже не было. Но его место занял кто-то другой, и снова слышались причитания – только теперь их произносил до боли знакомый девичий голосок.

– Берегитесь тех, кого оставили дома.

Только не это.

Хэсина резко обернулась и увидела, что к ним приближается фигура в капюшоне.

– Так, так, так. Что у нас тут? – девушка обошла вокруг Хэсины. – Мне нравится этот льняной рюцунь. Очень похож на тот, что носят простолюдинки. А ты... – Она откинула полу мантии Цайяня и нахмурилась, увидев под ней простой ханьфу. – Вот так ты пытаешься выдать себя за девятнадцатилетнего юнца, который вышел поразвлечься? Решил притвориться школяром, у которого закончились последние деньги?

Цайянь поправил мантию.

– Мы направляемся в музыкальный дом.

⁶ Имеются в виду уровни Диюя – царства мертвых или преисподней в китайской мифологии. Диюй, как правило, изображается подземным лабиринтом с различными уровнями и камерами, в которых заключены души людей после их смерти для искупления грехов. В одной из интерпретаций таких уровней десять – «Десять судилищ ада».

Девушка положила руку на бедро.

– Ты, кажется, сказал «в бордель»?

– Я не говорил ничего подобного.

– Я готова поклясться...

– Мне казалось, – сквозь зубы процедила Хэсина, оправившись от шока и бросив на Цайяня свирепый взгляд, – что ты обещал никому ничего не рассказывать.

Цайянь, в свою очередь, бросил свирепый взгляд на девушку, прятавшуюся под капюшоном.

– Ты обещала, что не пойдешь за нами, если я расскажу тебе.

– Нельзя было ей верить! – воскликнула Хэсина, и Цайянь потер переносицу.

– Я знаю, миледи. Простите меня.

– Не сердись, На-На. – Девушка опустила капюшон и поправила косички. Они были заколоты назад, словно крылья бабочки, и переплетены яркими лентами. Эта прическа оставалась неотъемлемой чертой стиля Янь Лириан – равно как и озорной огонек в карих глазах, которые были на тон светлее, чем у Цайяня, ее брата-близнеца. – Этот дуралей держался до последнего. Не его вина, что я прибегла к шантажу. К тому же вы правда думали, что я отпущу вас совершать измену без меня?

Хэсина не знала, злиться ей или расстраиваться.

– Это не игра.

– Ты же обещала. – Цайянь, похоже, скорее расстраивал-

ся, чем злился.

Лириан не ответила ему и повернулась к Хэсине.

– Конечно же, это не игра. Это опасная, важная задача, для решения которой нужны трое. Подумай сама: один человек будет слушать запретную мудрость, второй – стеречь дверь от непрошенных гостей, а третий – этих непрошенных гостей бить.

– Прогони ее, – приказала Хэсина Цайяню.

Лириан изящно отодвинулась назад – так, чтобы Цайянь не смог до нее достать.

– Я по-прежнему могу рассказать твоим высоконравственным друзьям при дворе, что блистательный Янь Цайянь в свободное время зачитывается эротическими новеллами. Кто у нас сейчас в особом почете? Ван Хутянь?

Цайянь издал сдавленный стон. Лириан рассмеялась. Хэсина молчала, наблюдая, как тени, которые они отбрасывали в свете луны, становятся все длиннее.

Они теряли время.

– Пойдемте уже? – предложила Лириан, словно прочитав мысли Хэсины, и взяла их за руки. – Попробуете отделаться от меня по пути.

Хэсина знала, что это бесполезно. Они шли в тишине, и постепенно приземистые магазинчики по обеим сторонам дороги начали сменяться более высокими зданиями с колоннами. Вместо пьяных песен теперь слышались мелодии, ко-

которые играли на цитрах⁷ и пипах⁸.

– Не нужно было тебе приходить, – наконец произнесла Хэсина.

– В чем прелесть жизни, если в ней нет места опасности?

– Отнесись к этому серьезно!

– Я и отношусь, На-На. – словно настоящая сестра, Лилиан продолжала называть Хэсину ее детским именем, хоть она давно уже его переросла. – Отца больше нет, но он не будет забыт. Пока мы здесь, этого не случится.

– Это... – Утешало. И пугало. У Хэсины еще оставались любимые люди, которых она могла потерять. – Спасибо, – закончила она хриплым голосом.

– Но, возможно, мы здесь ненадолго, ведь встреча с этим человеком может привести нас к смерти от тысячи порезов.

– Лилиан!

– Прости, прости. Сделаем вид, что я этого не говорила.

Цайянь, шедший впереди, остановился перед трехъярусным зданием. Снаружи оно напоминало одну из небесных пагод, которые, согласно легендам, были построены, когда боги еще ходили по земле. Однако внутри оно ничем не отличалось от обычного музыкального дома. С балюстрад свисали шторы из бусин. Приватные комнаты стыдливо пря-

⁷ Цитра – струнный щипковый музыкальный инструмент, состоящий из плоского деревянного корпуса и натянутых поверх него металлических струн, которых может быть от 30 до 45.

⁸ Пипа – китайский четырехструнный щипковый инструмент, напоминающий лютню.

тались за решетчатыми ширмами. Обещанная музыка – из струнных щипков и перебора – дрожала в воздухе. В атмосфере царившего здесь легкомыслия Хэсине стало еще тревожнее.

– Не смотрите никому в глаза, – приказал ей Цайянь, когда они переступили порог и зашли в вестибюль. – И не снимайте капюшоны, – добавил он и тут же опустил свой.

– Добро пожаловать в «Желтый лотос», – воскликнула хозяйка, пробираясь к ним через стайки раскрашенных девушек и юношей. Но, стоило ей подойти поближе, улыбка на ее круглом, как луна, лице поблекла. – А, – проговорила она, остановив взгляд на Цайяне. – Полагаю, вы впервые в нашем заведении?

Лилиан закашлялась.

– Посмотрим... – Хозяйка обвела куртизанок глазами. – Возможно, вам придется по вкусу Белый Пион...

– Мы пришли встретиться с девушкой по имени Серебряный Ирис, – перебил ее Цайянь.

Хозяйка нахмурилась.

– Серебряный Ирис – самая желанная артистка нашего дома.

– Я слышал об этом.

– Она в совершенстве освоила золотую триаду искусств: каллиграфию, музыку и танец.

– И об этом я слышал.

– Она придиричива в выборе посетителей, и ее время огра-

ниченно. — Хозяйка наклонилась к Цайяню и длинным ногтем, покрытым изумрудным лаком, вытянула из его мантии торчащую нитку. — Такие, как вы, не стоят ее талантов.

Хэсина нервно сглотнула.

Не моргнув глазом, Цайянь достал парчовый кошелек.

— Этого достаточно?

Хозяйка выхватила его из руки Цайяня, ослабила шнурок и заглянула внутрь. Хэсина не могла прочесть ее мыслей по выражению лица, и, пока женщина взвешивала кошелек на унизанной кольцами руке, принцесса чувствовала, как ее тело покрывается потом.

Наконец хозяйка затянула шнурок.

— Идите за мной.

Она повела их по фиолетовым ступенькам из сандалового дерева и постучала в одну из множества дверей в коридоре второго этажа. Хэсине хотелось ущипнуть себя. Пять ночей подряд она мучилась вопросами. Правильно ли поступает? Совершает ли ошибку? Если да, то хватит ли ее злости, печали и эгоизма, чтобы все равно осуществить задуманное? Она не знала. Девушка уже зашла так далеко и по-прежнему не знала. Но теперь оставался лишь один вопрос: хватит ли ей храбрости, чтобы выслушать правду?

У Хэсины был готов ответ.

Хозяйка постучала снова, на этот раз сильнее, и из-за двери раздался хрипловатый голос:

— Да?

– К тебе гости.

– Сколько?

– Двое, – сказала Лилиан и прислонилась спиной к стене рядом с дверью. – Я останусь здесь.

– Они заплатили?

Хозяйка облизнула губы.

– Да.

– Тогда оставьте их здесь.

Когда хозяйка ушла, ничего не изменилось. Дверь не открылась. Демоны не выпрыгнули из-под потолочных балок, чтобы наказать гостей. Но, пока они ждали, в голове Хэсины рождались свои демоны. За ней с близнецами могли следить. Их могли узнать. Они могли...

Створки двери разъехались в стороны, и демоны разбежались. Хэсина посмотрела измене в лицо.

Оно было прекрасным. Вечно юным. Сияющим, словно жемчуг. Глаза под серебристыми веками, не задерживаясь на Хэсине, обратились к Цайяню. Нежно-розовые губы недовольно искривились, и на мгновение Хэсина задумалась: как Цайянь мог познакомиться с куртизанкой? Но тут Серебряный Ирис пригласила их в комнату и заперла за ними дверь. Стержни засова, вырезанные из слоновой кости, встали на свои места со звуком, походившим на последнюю ноту песни.

Порой, когда Хэсина нервничала, ей хотелось смеяться. Вот и сейчас она почувствовала, что теряет контроль над

телом, и попыталась отвлечься от щекощущего ощущения в груди. Комната была заставлена вещами, и ей пришлось замедлить шаг, так что она могла осмотреться. На стенах висели пипы: изогнутые грифы с ладами из слоновой кости заканчивались завитками, струны были туго натянуты над походившими на грушу телами инструментов. Оставшееся место занимали свитки со двустигмьями из восьми слов. К своему стыду, она узнала лишь одно – то, которое встречала в учебнике.

Вниз текут бурные воды,
Вверх всплывают бывлые мечты.

– Я полагаю, нет нужды предлагать вам чай.

Услышав голос Серебряной, Хэсина едва не подскочила на месте. Так же, как и в ее имени, в нем звучал металл.

– Вы правы, – произнес Цайянь, останавливаясь перед дверью.

– Тогда давайте устроим небольшую демонстрацию.

«В ней нет необходимости», – хотела любезно и великодушно возразить Хэсина. Но то была ложь, и Серебряный Ирис об этом знала.

Куртизанка уже держала в руке шпильку, острую, словно игла. Она проткнула ей палец, а потом поднесла ее к незажженной свече. На фитиль упала капля крови.

Дымок.

Искра.

Вспышка.

Фитиль зажегся. Свеча загорелась голубым пламенем.

Комната поплыла перед глазами Хэсины. Очертания пламени размылись, но оно осталось голубым.

Голубым. Голубым. Голубым.

– Хороший фокус, вы не находите? – спросила Серебряный Ирис будничным тоном. Но взгляд куртизанки пронзал Хэсину насквозь и проникал в самую ее суть, обнажая правду: она происходила из рода убийц.

У Хэсины сжалось сердце. Ей не полагалось считать Одиннадцать героев жестокими. Благодаря им началась новая эпоха, добрее и справедливее ушедшей. Людей стали ценить за честный труд, а не за то, сколько пророков и знатных лиц было в их окружении. Законы теперь защищали права каждого – но только не пророков, которые в течение долгих веков манипулировали людьми. Смерть от тысячи порезов считалась милостью для них... и для тех, кто пользовался их даром за деньги.

Для таких, как Хэсина.

Обмотав палец носовым платком, Серебряный Ирис присела и жестом пригласила Хэсину присоединиться. Ощущая, как подгибаются колени, девушка опустилась на скамеечку с шелковым сиденьем. Она запоздало поняла, что так и не сняла капюшон. Теперь этот маскарад казался ей глупостью. Детской игрой. Она бросила на Цайяня вопроситель-

ный взгляд.

Но он не успел ничего сказать – Серебряный Ирис заговорила раньше.

– Итак, принцесса Хэсина. – Она скомкала окровавленный платок и бросила его в жаровню, стоявшую у их ног. Он вспыхнул и загорелся. – Что вы желаете увидеть?

Два

*От избытка чего бы то ни было – власти ли,
преуспеяния ли – у человека загнивает сердце.*

ПЕРВЫЙ из **ОДИННАДЦАТИ** о пророках

Сердце у них никогда и не было.

ВТОРОЙ из **ОДИННАДЦАТИ** о пророках

Дрожащими руками Хэсина откинула капюшон.

Она пришла увидеть будущее. Неизведанное. Но на мгновение перед ее глазами возникла другая картина: ее отец, переодетый посыльным, лежит на клумбах среди ирисов. Она не помнила, сколько времени стояла там и ждала. Ждала, что он вот-вот поднимется, зевнет и скажет, как приятно надеть костюм и бродить по землям Яня. А когда поняла, что он не просыпается, ждала, что вот-вот проснется сама.

В тот день Хэсина наблюдала, как придворная врачевательница берет в руку скальпель и вспарывает мертвому королю живот, словно рыбе брюхо. Там ничего не обнаружилось – по крайней мере сразу. Придворная врачевательница заключила, что смерть короля была естественной, и не спеша удалилась в соседнюю комнату.

Если бы только она задержалась хотя бы на секунду и увидела, как из разреза выходит золотистый дымок. Если бы она только поверила Хэсине, когда та пыталась показать ей

облачко, заключенное в пузырьке. Тогда принцессе не пришлось бы стоять здесь, сжимая пальцами юбки, – так же, как в тот день она сжимала подол одеяний врачевательницы.

И ей бы не пришлось спрашивать у Серебряной сдавленным голосом:

– Кто убил моего отца?

Серебряный Ирис моргнула.

– Убил?

– Да, убил! – у Хэсины перехватило дыхание. – Смерть короля не была естественной. Официальное постановление – ложь.

Но она откроет королевству правду. С помощью дара Серебряной она найдет убийцу. Она заточит его в тяньлао – темницу небесного греха, – и, может быть, когда за одну жизнь будет заплачено другой, этот кошмар наконец...

– Я вижу золотистый дымок, который исходит от груды осколков, – начала Серебряный Ирис. – Но я не вижу убийцы короля.

Сердце Хэсины упало, как падает воздушный змей, когда внезапно стихает ветер.

– Однако я вижу человека, который поможет вам узнать правду.

– Представителя? – Хэсина не могла скрыть разочарования.

– Да. – Серебряный Ирис расправила на колене расшитый пояс. – Можете назвать его так.

Хэсина сидела, накручивая на большой палец шнурок от пузырька на поясе. Если она пойдет путем официального правосудия, ее заявление о том, что короля убили, будет рассмотрено Советом расследований. После того как он направит дело в суд, Министр ритуалов назначит представителей и обвинителю – в данном случае ей, – и обвиняемому.

– Что скажете? – поторопила ее Серебряный Ирис. – Вы хотите услышать ответ?

Принцессы не так уж отличаются от нищих. Хэсина научилась брать то, что ей предлагают.

– Да.

Выразительные, как у лани, глаза Серебряной пробежали по Хэсине. Принцесса поежилась. Она знала, что в ее внешности нет ничего впечатляющего. Ее глаза не горели жадной жаждой знаний, как у Цайяня, на ее губах не читалось веселье, как у Лилиан. Однажды приглашенный во дворец художник сказал, что у Хэсины лицо ее матери, но они оба понимали, что принцессе никогда не научиться распоряжаться подданными так же хорошо, как это делала королева. Когда Серебряный Ирис заговорила, Хэсине показалось, что в ее голосе прозвучала та же жалость, как тогда в голосе художника.

– Им станет заключенный.

– Заключенный. – Палец Хэсины начал неметь. Она раскрутила шнурок, и в ее кожу словно впились иголки. Ее отца убили, а правосудие... окажется в руках какого-то заключенного?

Она едва не рассмеялась.

– Извините, – проговорила Хэсина с таким самообладанием, что ее преподаватели гордились бы ей. – Должно быть, произошла ошибка.

Серебряный Ирис отпрянула назад.

– Нет никакой ошибки. В суде вас будет представлять заключенный.

– Такого не может быть.

Представителями защиты и обвинения могли стать только перспективные студенты. Их выбирали из числа тех, кто собирался сдавать экзамены для поступления на государственную службу. Суд был для них возможностью продемонстрировать свой ум, а в качестве награды за выигранное дело их допускали к основным экзаменам без предварительных испытаний. Эту систему ввели Одиннадцать героев, чтобы дать каждому грамотному человеку шанс преуспеть в жизни, каким бы ни было его происхождение. Но как ей мог воспользоваться заключенный?

Сомнения Хэсины просочились в ее кровь и растеклись по венам.

– Пожалуйста, посмотрите еще раз.

– Вы думаете, я солгала.

– Что? Нет! – Хэсина не подозревала Серебряную во лжи, по крайней мере, она не думала так всерьез. Она верила ей по той же причине, по которой верили пророкам прошлого. Хотя все книги, в которых описывались особенности их си-

лы, были уничтожены во время гонений, некоторые легенды сохранились и стали достоянием общественности. Одна из них гласила: если пророк солжет о том, что увидел, срок его жизни уменьшится. Ученые соглашались с этим: как бы иначе бывшие императоры контролировали пророков?

– Отчего же? – Серебряный Ирис встала и повернулась к ним спиной. Подол ее лилового рюцоня взлетел вверх, и из-под него показались разноцветные нижние юбки. – Думаете, я побоюсь потерять несколько лет жизни?

Она развязала пояс, и ее рюцонь соскользнул на лакированный пол.

Сначала они увидели на ее спине багровые подтеки, по форме напоминавшие ладони. Потом показались ожоги. Сотни тонких шрамов – как будто кто-то резал ее ножом и забавы ради наблюдал, как дымятся ее раны.

– Некоторым выгоднее оставить нас в живых, чем предать линчи или сжечь, – произнесла она. В горле Хэсины встал ком. – Вы полагаете, что я говорю правду, потому что боюсь смерти. Но мертвецам повезло больше. Они уже не могут корчиться от боли, не могут дрожать. – Она повернулась и подошла к гардеробу. – К тому же их нельзя заставить говорить то, что вы хотите услышать.

Жаровня у их ног все еще пылала огнем, но Хэсина почувствовала, как холодеют ее пальцы. Напрасно она пришла сюда. Серебряный Ирис отдала свою кровь ради нее, воспользовалась ради нее своим даром. Но ведь Хэсина не оставила

ей выбора – так же, как все остальные.

Принцесса неуверенно поднялась на ноги.

– Простите.... Я вовсе... вовсе не хотела... Мы пойдем.

– Заключенный. – Серебряный Ирис набросила на себя другой рюцонь – из тонкой темно-красной ткани – и перевязала его плетеным поясом. – Тот, у которого прут. Это все, что я вижу. Моя кровь не слишком сильна. Мало кто из нас обладает таким же мощным даром, как наши предки. Но вам это уже известно, не так ли?

Она перевела взгляд на бронзовое зеркало, висящее над туалетным столиком, и через него выразительно посмотрела Хэсине в глаза.

Хэсина открыла рот и снова закрыла его, не произнеся ни слова.

Раздался стук в дверь, потом послышался голос Лилиан.

– По лестнице поднимается какой-то мужчина!

– Вам пора идти. – Серебряный Ирис открыла ящик и достала оттуда крошечную баночку. Открутив крышечку, она нанесла на веки свежий слой серебристых теней. – Мне нужно позаботиться о постоянных посетителях.

– Д-да, – пробормотала Хэсина. – Мы уже уходим. Мне... очень жаль.

Она сделала шаг назад. Цайянь открыл перед ней дверь, но внезапно Хэсина поняла, что не может сдвинуться с места. Ее мучил вопрос. Он опутывал ее внутренности, словно сорняк, душил ее разум, и избавиться от него было невоз-

можно.

– Зачем вы рассказали мне то, что увидели?

– Почему вы так уверены, что все сказанное мной – не ложь? – спросила Серебряный Ирис, не сводя с нее холодно-го взгляда.

Потому что Цайянь сказал, что вы скажете правду. Потому что, согласно слухам, вам пришлось бы заплатить высокую цену за ложь.

– Потому что вы показали мне больше, чем я заслуживаю, – искренне ответила Хэсина. – К тому же... – Она прикусила губу и отвела взгляд. «Ты наивна, – говорила ей придворная врачевательница. – Ты безрассудна». – К тому же я хочу доверять вам.

Потому что мне вас жаль.

Серебряный Ирис вздохнула.

– Подойдите сюда.

Хэсина с опаской приблизилась к ней, и Серебряный Ирис вытянула руку так, чтобы принцесса увидела ее палец.

След от укола исчез. Ранка была маленькой, но все-таки она никак не могла затянуться так быстро. Хэсина не сводила взгляда с гладкой, идеально чистой кожи. Вдруг она почувствовала дыхание Серебряной у своего уха и вздрогнула.

– В ваших историях говорится, как дар может причинить нам вред, – прошептала куртизанка. – Но если мы рассказываем о своем видении правду, это идет нам на благо.

Она отстранилась. Ухо Хэсины словно оледенело – и вме-

сте с тем оно горело огнем. Хэсина прижала к нему руку. У нее гудела голова от того, что она только что узнала.

– Зачем вы рассказываете мне об этом?

Серебряная снова перевела на нее взгляд. Теперь вместо ледяного холода в нем читалась жалость, как будто это Серебряный Ирис была человеком, а Хэсина – пророком.

– По той же причине, по которой вы поверили моим словам. Мне вас жаль.

Они вышли из квартала красных фонарей далеко за полночь, когда в гонг пробили два раза, и направились через восточную часть торговых рядов. Слева и справа от них продавцы убирали товары с прилавков, загружая обратно в вагоны кувшины с рисовым отваром и жареным тофу⁹. Хэсина неслась вперед, как будто она была призраком и не могла с кем-нибудь столкнуться. Цайянь следовал за ней, извиняясь перед рассерженными погонщиками мулов и носильщиками паланкинов¹⁰.

– Эй ты, осторожнее!

– Без ноги хочешь остаться?

⁹ Тофу – соевый творог или сыр, пищевой продукт из соевых бобов с нейтральным вкусом.

¹⁰ Паланкин – средство передвижения в виде укрепленного на длинных шестах крытого кресла или ложа, переносимого носильщиками.

– Мне ужасно жаль, – говорил Цайянь. – Извините нас. Простите, пожалуйста.

– Скажи своей дамочке, чтобы обзавелась парой глаз!

– Постой, На-На! – крикнула Лилиан.

Хэсина не остановилась. Ей нужно было подумать, а думать стоя на месте она не могла.

Ее представителем станет заключенный с прутом.

Серебряный Ирис сказала ей правду.

Но что теперь?

Ноги привели ее обратно к заброшенной таверне, из которой они вышли. Руки наполнили кувшин мутной водой, несколько раз подняв и опустив рукоятку насоса. Потом Хэсина подошла к бетонному льву, сторожившему вход, и тонкой струйкой вылила воду ему на шею. Статуя повернулась.

Они по очереди спустились в тесный проем, открывшийся в основании. Лилиан вернула статую на место, и их поглотила тьма. Внезапно Хэсина с абсолютной ясностью поняла, что ей необходимо сделать.

– Мне нужно стать королевой, – объявила она неказистым земляным стенам тайного прохода. Ее голос отозвался эхом, столь же глухим, как и боль в ее сердце.

– Конечно же, ты станешь королевой, – отозвалась Лилиан. Она говорила о традиции, согласно которой престол страны Янь занимал за усопшим правителем его старший ребенок.

– Когда ваша мать вернется из Оуянских гор, вы сможе-

те попросить ее о благословении, – произнес Цайянь. Он говорил о ритуале, который соблюдали все наследники – как королевской, так и обычной крови, – прежде чем заявить о своих правах.

Они продвигались вперед по тоннелю. Близнецы все говорили и говорили. Традиции. Ритуалы. Традиции. Ритуалы. Ни тот ни другой, похоже, не поняли, что именно сказала Хэсина. Трон был ей *нужен*. Но она его *не хотела*.

Она завидовала Лилиан, которая могла проводить дни, наблюдая за тем, как изготавливают императорские ткани. Она завидовала Цайяню, который буквально жил политикой. Она завидовала даже Санцзиню – своему брату по крови, – который стоял во главе отрядов народного ополчения Яня. Они могли идти навстречу своим надеждам и мечтам. На их пути не стоял трон.

Но теперь Хэсина знала, как воспользоваться властью.

– Я хочу начать официальное расследование. – Ее отец предпочел бы, чтобы правда открылась согласно заветам «Постулатов». Для этого нужно было идти в Совет расследований, а не к пророку. – Я хочу, чтобы состоялся суд. – Они приближались к концу тоннеля и теперь поднимались по склону. – Я хочу, чтобы люди видели, как на заседаниях выясняется правда.

– Ты считаешь, что заключенный с прутом существует? – спросила Лилиан. Они вышли из миниатюрной горной цепи, которая располагалась в центре дворцового комплекса.

Узнать наверняка можно было только одним способом.

– Дальше идите без меня. – Хэсина повернула на север, к подземельям.

Цайянь взял ее за локоть.

– Будет лучше, если вы посетите подземелья в час, вызывающий меньше подозрений.

Лилиан взяла ее за другой локоть.

– В первый раз в жизни я согласна с нашим дуралеем. Не стоит совершать больше одной измены в день.

Еще лучше не совершать измены вовсе.

Хэсина стряхнула с себя их руки.

– Я не говорила, что собираюсь сделать его своим представителем прямо сейчас.

Если бы все было так просто. Чтобы люди, обладающие деньгами и властью, не могли нанимать лучших студентов и выигрывать все суды, как это происходило во времена былых императоров, Одиннадцать героев внесли в «Постулаты» новый закон. Согласно которому представители обвинения и защиты назначались вслепую. Поэтому у Хэсины не было права выбирать. Это считалось изменой. Обратиться к единственному человеку, который заведовал процедурой отбора – Министру ритуалов и толкователю «Постулатов» Ся Чжуну, – также означало совершить измену.

Но эту проблему – решила Хэсина – можно было отложить на другую ночь.

– Ну и чем ты тогда собралась заниматься в подземе-

льях? – спросила Лилиан, когда Хэсина очнулась от размышлений. – Исследовать его *прут*?

Цайянь откашлялся.

Хэсина потрепала Лилиан по руке.

– Лучше я предоставлю эту честь тебе.

– Ловлю на слове!

– Уже поздно, миледи, – сменил тему Цайянь. – За ночь заключенные никуда не денутся. Посетите подземелья завтра, когда мысли будут свежее.

«Иди сейчас», – зарычал страх у Хэсины в животе. Она не успела спасти отца. Новость о том, что его смерть была естественной, разлетелась по королевству, и она не успела ее остановить.

Но Цайянь был прав. Несмотря на то, что лето было на исходе, в ночном воздухе разливалось тепло, и разум Хэсины начал затуманиваться. Ей казалось, что со времени их визита в квартал красных фонарей прошла целая вечность. Когда они дошли до Западного дворца, где жили придворные ремесленники, она не удержалась и зевнула.

Под круглой, как медальон, луной Лилиан пожелала им спокойной ночи. Резные двери ее комнаты пурпурно-золотого цвета – такие же яркие, как и ткани, расстеленные, развешанные и разложенные внутри. Заглянув в эту комнату, Хэсина как будто увидела другой мир. Жизнь, которую ей не дано было прожить.

Створки двери закрылись. Хэсина с Цайянем отправились

дальше. Они шли по крытым галереям, которые, словно артерии, стремились к единому центру – Восточному дворцу, самому большому из четырех, истинному сердцу всего императорского двора. По мере того как они продвигались по церемониальным залам внешней части дворца, потолки становились все ниже, а коридоры – все уже.

Когда они оказались в самой глубине дворца, уже недалеко от королевских покоев, Цайянь остановил Хэсину.

– Мы с Лилиан поддержим вас, какое решение бы вы ни приняли.

У этих слов был сладкий привкус горечи. Хэсина подумала, что так мог бы сказать ее отец.

– Спасибо тебе, – прошептала она. – За все.

Цайянь поверил ей, когда она рассказала ему о содержимом пузырька. Она прибежала к нему сразу после разговора с придворной врачевательницей – вся в слезах и на грани истерики. Он помог ей сесть и перечислил то, что она могла бы предпринять. Спокойный, надежный Цайянь, друг и брат.

Он принял ее благодарность сдержанным поклоном.

– Ложитесь спать, миледи.

– Ты тоже.

Но Цайянь направился в сторону библиотеки, и Хэсина подумала, что в эту ночь она не сомкнет глаз.

Дальше она пошла в одиночестве. Добраться до императорских покоев можно было только длинным, извилистым путем: это было сделано специально, чтобы запутать незва-

ных гостей. Сейчас Хэсина сама ощущала себя здесь чужой. Коридоры завлекали ее в свою сеть. В одном из них вдоль стен стояли ширмы, которые грозили сомкнуться перед ней и захватить в плен. Кое-где на полупрозрачном шелке створчатых панелей были изображены буйволы, распахивающие рисовые поля, но в основном он был расписан сценами революции. Золотые нити очерчивали языки пламени, в котором горели пророки, и поблескивали в луже крови, растекавшейся от отсеченной головы императора.

«Не бойся картинок, Пташка, – сказал бы отец. – Это всего лишь искусство». Но теперь она ничем не отличалась от злонравных императоров прошлого. Она воспользовалась даром одного из пророков. Что еще хуже, где-то в глубине сердца она сочувствовала им, но из трусости не могла в этом признаться.

Чтобы отвлечься, Хэсина попыталась подумать о том, что ей предстояло сделать. Это было ошибкой. Список дел внушал ужас. Найти заключенного с прутом. Убедить Ся Чжунна назначить его представителем обвинения. Получить благословение матери и, только вступив на трон, рассказать людям, что их короля убили.

Она станет незабываемой королевой – если, конечно, успеет. Вместо коронации ее могла ждать смерть от тысячи порезов.

Хэсина подошла к своей комнате, и у нее в жилах застыла кровь. Из-под дверей лился свет. Она точно помнила, что

задула все свечи, и это могло означать только одно:

Там кто-то был.

Чувствуя, как учащается пульс, она положила руку на резное дерево. Вариантов у нее было не много. Она могла не заходить – тогда визитер подумает, что она покинула свои покои на всю ночь. Или она могла войти – и тогда ей волей-неволей придется объяснять, где она была.

С другой стороны, возможно, она все-таки не задула свечи, когда уходила. Толкая дверь, Хэсина отчаянно надеялась на это.

– Санцзинь? – Хэсина открыла рот от удивления. Створки двери захлопнулись за ее спиной. – Что ты здесь делаешь?

Ее кровный брат поднялся с топчана, и пламя свечей отразилось в чешуйках его доспехов. Он не сменил военные одежды. Его волосы были собраны в неаккуратный пучок, а из ножен на широком кожаном ремне виднелась рукоятка меча люедао¹¹.

Он медленно двинулся мимо покрытых вышивками ширм и обошел низкий столик.

– Сначала ответь мне ты, дорогая сестрица. Где ты была и что делала?

Он шагнул по направлению к ней. Хэсина вдруг поняла, в каком она состоянии: коричневая мантия, дикий взгляд, запахи города грехов, приставшие к волосам. Но было слиш-

¹¹ Люедао (буквально «ивовый лист») – китайский меч с сабельным изгибом, колюще-рубящее оружие пехотинцев и кавалерии династии Цин.

ком поздно.

Она стала пятиться назад, однако ее брат оказался быстрее. Он схватил ее за мантию и поморщился, распознав льняное полотно вместо шелка. Он поднес ткань к носу, и сердце Хэсины заколотилось. Она попыталась успокоиться. Санцзинь ее семья. Он не предаст ее. Не отправит на смерть от тысячи порезов.

– Ты ходила в город. От тебя несет благовониями.

Страх Хэсины сменился раздражением. Она вспомнила, что была старшей сестрой, и выпрямилась во весь свой средненький рост.

– Приятно узнать, что тебя беспокоит мое времяпрепровождение. Что дальше? Будешь выбирать, с кем мне разговаривать, а с кем нет?

– Зачем же? У тебя уже есть преданный компаньон. – Санцзинь выпустил из пальцев ее мантию, и Хэсина отошла к столу. – Или лучше назвать его слугой?

Она начала перебирать бумаги, лежащие перед ней. Указы, проекты, дипломатические заявления – дела, которыми она теперь должна была заниматься. Она неофициально исполняла обязанности королевы до коронации, хоть еще не получила благословение матери. Но как бы Хэсина ни пыталась сосредоточиться, ее все равно била дрожь. *Во имя Одинадцати!* Зачем Санцзинь пришел к ней именно сейчас?

– Его имя Цайянь.

– Правда? Мне больше нравится слово «слуга». Хорошо

звучит.

Ее руки замерли, сжав «Постулаты». Книга была внушительных размеров – в ней содержались сотни очерков, описывавших убеждения Одиннадцати. Хэсина сдавила пальцами корешок, но он даже не прогнулся.

Она могла поступить жестоко. Вспомнить прошлое, которое они оба решили предать забвению. Сказать слова, после которых брат непременно оставил бы ее в покое. Но в конце концов она просто опустила том на стол. Он глухо ударился о дерево.

– Зачем ты пришел, Цзинь?

– Повторю вопрос: зачем ты уходила?

– Я искала правосудие.

– О чем ты?

Ее руки и ноги похолодели, а голова налилась тяжестью. Она была слишком уставшей для этого разговора. Вероятно, поэтому она сказала правду.

– О смерти отца.

Она достала из складок мантии пузырек. Золотистое облачко газа засияло в свете свечей.

Санцзинь наклонился ближе и прищурился.

– Что это?

– Яд.

Санцзинь со свистом втянул воздух.

– Почему я узнаю об этом только сейчас?

– Ты правда поверил, что отец умер естественной смер-

тью?

– Я не думал, что у придворной врачевательницы есть основания лгать. – Санцзинь провел рукой по лицу. – Благие кости Шестого! Что мы теперь будем делать?

От слова «мы» в сердце Хэсины зажегся огонек надежды, но этого было недостаточно. Вопрос состоял в том, что они *могли* сделать. Что значили пузырек и их слово против королевства, убежденного в том, что король скончался тихо и мирно? Она опять приходила к тому же: ей нужен был трон. Ей нужна была власть. И как только она получит и то и другое...

– Мы начнем расследование.

– Через Совет?

– А как еще?

Санцзинь прищурился.

– А что же с войной?

– А что с войной? – Хэсина осеклась. – Не называй это так.

– А как бы ты это назвала? Туалетным поединком?

Она бросила на него укоризненный взгляд, и он ответил ей:

– Мы одни, Сина.

Санцзинь оперся руками на стол и наклонился к ней.

– Как бы мы это ни называли, суть «бандитских набегов» на деревни вдоль границы Яня с Кендией не изменится. Эти погромы организует Кендия, и люди рано или поздно это поймут.

– Этого нельзя допустить.

«Постулаты» запрещали войну, и можно было понять почему. Былые императоры призывали на службу сотни тысяч крестьян и начинали сумасбродные военные кампании против других королевств: Нинга, Ци и Кендии. Люди не забыли о тех кровопролитиях. Они прославляли Санцзиня каждый раз, когда он приводил своих воинов к победе в небольших стычках, – но только потому, что стычки были небольшими. Примерно раз в сто лет очередной король – или королева – Яня пренебрегали миролюбивыми заветами Одиннадцати и объявляли войну. Тогда в деревнях и провинциях тут же вспыхивали восстания.

– В Яне есть вода, – сказал Санцзинь. – А в Кендии нет. Их степи с каждым годом иссыхают все сильнее. Нашествие неизбежно, и наша армия должна быть готова встретить его. «Постулаты» запрещают войну ради наживы; нам же придется сражаться, чтобы защитить свои земли. Но *начать войну и официально заявить*, что короля убили? Разве ты не осознаешь опасность?

Нет, Хэсина опасности не видела.

– Люди захотят узнать, кто убил их короля, – произнесла принцесса. Она была уверена в этом, как ни в чем другом. Ее брат сверкнул глазами.

– Они захотят найти козла отпущения, Сина.

– Они выше этого.

– Почему ты так в них уверена?

– Отец любил их. – Он любил их так же, как и ее – несмотря на недостатки, этот образ был для нее примером.

– Отец порой бывал не прав.

Хэсина пристально посмотрела на брата, как будто видела его в первый раз. Когда они успели так отдалиться друг от друга, что даже по этому вопросу стали придерживаться разных мнений?

– Нам нужно сначала самим исследовать яд, – продолжил Санцзинь. – Выяснить правду самостоятельно...

– Что с тобой случилось? – Хэсина не повысила голоса, но ее брат вздрогнул, как будто она закричала. – Почему ты совсем не веришь в наш суд?

Выражение его лица стало суровым.

– Вот почему.

Он вытянул из-под нагрудника какие-то бумаги и бросил их на стол. Они разлетелись веером, словно крылья журавля. Некоторые упали на пол.

Чувствуя на себе обжигающий взгляд Санцзиня, Хэсина нагнулась и собрала разлетевшиеся бумаги. Потом соединила их с остальными и, выровняв стопку, неохотно переключила внимание на их содержание.

– Я не собирался тебе это показывать, – проговорил Санцзинь, пока она пыталась понять, что именно читает. – Не хотел, чтобы ты переживала. Но пришла пора открыть тебе глаза.

Бумаги оказались страницами, вырванными из «Постула-

тов». Между столбиками текста¹² виднелись неразборчивые надписи. Но это были не заметки и не критические комментарии. Это были отчеты – подробные описания оборонительных и транспортных систем нескольких приграничных городов. Информация, которая оказалась бы весьма полезна бандитским отрядам Кендии.

Написать такие письма мог только человек, находящийся на государственной службе.

– Мои разведчики конфисковали на границе с Кендией несколько подозрительных свертков. Эти письма были спрятаны среди налоговых отчетов, в сундучке с печатью императорского курьера. Кто-то во дворце помогает кендийцам бесчинствовать в наших деревнях. Кто-то хочет, чтобы началась война. Открой выгодное для него дело об убийстве – и пригласишь кендийцев в страну.

Хэсине казалось, что голос Санцзиня доносится откуда-то издалека. Его слова жужжали вокруг ее головы, словно осы. Точнее, словно мошки. Да, именно так – решила она, опуская письма на стол. Мошки были безобидны.

– На государственной службе при дворе состоят сотни человек, и большинство из них незначительны, – сказала она. – Один изменник не сможет помешать правосудию.

– Но что, если это все-таки кто-то значительный? Что, если у этого человека есть друзья?

¹² В традиционном китайском письме иероглифы размещаются сверху вниз столбцами.

Сплошные домыслы. Хэсина отмахнулась от них.

– Ты не можешь знать наверняка. К тому же, если бы мы отказывались направлять дела в Совет расследований по каждому незначительному поводу, что бы осталось от нашего двора?

– Сейчас все иначе. Король был убит впервые.

– Он, прежде всего, был нашим отцом. Это наш долг перед ним. Достаточно споров! – Хэсина подняла руку, не дав брату продолжить. – Отправляйся к границе. Возьми с собой пять тысяч ополченцев и постарайся сдержать набеги, хотя бы на время.

– Ты серьезно, Сина?

– Да. Я твоя будущая королева, и я приказываю тебе.

Санцзинь покачал головой.

– Ты еще пожалеешь об этом.

От слова «мы» не осталось и следа. На что она рассчитывала? Санцзинь не был Цайянем. Если что-то шло не так, как он хотел, он вставал на другой путь. В ее памяти пронеслись недели, месяцы, годы холодности и безразличия. С горьким смешком Хэсина поглубже спрятала тяжелые воспоминания.

– Кто-то из нас должен любить отца и все, что он собой представлял. Он верил в людей, верил в правосудие, верил в истину и новую эпоху. Я тоже буду верить.

Последовала долгая тишина.

– Хорошо. – Санцзинь выпрямился, и тень соскользнула с его лица. – Я поеду.

На свету непослушный вихор справа от пучка особенно бросался в глаза. Генерал Янь Санцзинь был гениальным фехтовальщиком, мастером стратегии, командующим армией народного ополчения Яня. Но ведь ему было всего шестнадцать – лишь на год меньше, чем Хэсине. На мгновение ее сердце дрогнуло. Возможно, она поступала с ним слишком сурово...

– Надеюсь, власть даст тебе все, что ты только хотела. – Он обращался со словами так же, как с мечом: целился в слабые места и наносил точные удары. – И твое расследование тоже.

– Не беспокойся. – Она подошла к двери и демонстративно открыла ее. Она была готова идти любым путем, в компании или одна, лишь бы в конце ее ждало правосудие, за которое всегда боролся ее отец. Правосудие, которого он заслуживал. – Так оно и будет.

Три

Правосудие нельзя купить.
ПЕРВЫЙ из **ОДИННАДЦАТИ** о судах

Это роскошь – вот и вся правда.
ВТОРОЙ из **ОДИННАДЦАТИ** о судах

По краям страниц виднелась краска. Хэсина не заметила этого при свечах. Только когда она сложила письма в стопку толщиной с брошюру и когда небо озарилось утренним светом, она увидела, что срезы выкрашены в мшисто-зеленый цвет.

Кто-то вырвал эти страницы из особого издания «Постулатов». Это была единственная зацепка, но в других она и не нуждалась. Санцзинь посеял в ней семена сомнений, однако она могла и не возвращать их.

Она отодвинула от себя письма. Потом положила их в ящик. Затем достала их и прочитала еще раз, постукивая пальцами по краю стола.

Потом позвала одного из своих пажей.

– Мне нужны образцы почерков тех, кто служит при дворе. Найди столько, сколько сможешь, – приказала она. Проклятый Санцзинь с его проклятой паранойей. Проклятый автор писем. – Принеси их мне вместе с докладом о людях, состоящих на государственной службе и имеющих связи с

Кендией. Какие угодно, – твердым голосом добавила Хэсина, прежде чем паж успел задать вопрос. Откуда ей было знать, что может настолько соблазнить человека, чтобы он предал собственное королевство?

– Будет сделано, дянься¹³. Желаете чего-нибудь еще?

Хэсина закрыла глаза ладонями.

– Нет, это все.

Как только паж вышел, она надела свое самое старое платье – рюцонь сливового цвета, подол которого уже начал осыпаться и явно не возражал против встречи с парой-тройкой луж в дворцовых подземельях.

Упрощение. Этим словом можно было емко описать правление Одиннадцати героев. Первый и Второй, совместно руководившие государством на заре новой эпохи, избавлялись от любых излишеств, которые остались от былых императоров. Они адаптировали сложную систему письма, придуманную дворянами, потому что простые люди не смогли ей обучиться. Они запретили портным украшать ханьфу и рюцони драгоценными металлами, с помощью которых можно было наполнить казну. Они отослали со двора алхимиков, коим было поручено создать эликсир бессмертия для императо-

¹³ Дянься – Ваше Высочество (*кит.*).

ра. Празднования, в былые времена продолжавшиеся по месяцу, теперь длились неделю. Элитные военные секты были объединены с народным ополчением.

Но подземелья остались запутанным лабиринтом склепов, темниц и пыточных камер. Во времена былых императоров они были забиты командирами повстанцев, горожанами и крестьянами. Во времена Одиннадцати они были забиты пророками.

Сейчас темницы по большей части пустовали. Пророки, избежавшие казни, либо жили, как Серебряный Ирис, либо бежали в дальние пределы трех других королевств. В подземельях остались только обычные преступники. Например, вор, сидящий сейчас напротив Хэсины.

Они расположились в комнате для допросов. Это помещение подходило для частных бесед, потому что было полностью звуконепроницаемо, хотя эстетическое впечатление немного портили кровавые пятна на стене. Заключенный сидел, откинувшись на спинку стула, и был нем, словно жаба. Его голова склонилась вперед, а глаза застилала копна каштановых волос, поэтому было трудно предположить, что он чувствует и о чем думает. Хэсина даже не могла понять, дышит ли он. Но так она хотя бы не видела его синяков и могла не сокрушаться о кошмарном первом впечатлении, которое на него произвела.

Все пошло не по плану с самого начала. Заключенным не разрешали хранить личные вещи, а шишковатый, искрив-

ленный прут, который нашелся в камере грабителя, видимо, подпадал под это определение. Хэсина не дала стражам за-топтать его сапогами, но не успела спасти от их кулаков.

Теперь она положила прут на стол между ними. Она наде-ялась – хоть и с большой долей сомнения, – что этого знака дружеского расположения окажется достаточно.

Заключенный взял прут без единого слова.

Хэсина откашлялась.

– Прошу прощения. – Она старалась говорить отстранен-но, и получалось, наверное, чересчур официально. Но она не хотела выдавать свои чувства, как это случилось перед Се-ребряной. – Я понимаю, что все это довольно...

Странно.

– ...неожиданно.

Последовала тишина.

– Возможно, у тебя есть вопросы.

Видимо, нет.

Вдохнув поглубже, Хэсина принялась рассказывать об об-стоятельствах смерти отца. Сначала слова приходили мед-ленно, но потом стали вырываться стремительно, как будто – как и она сама – хотели обогнать воспоминания о том, что произошло в тот день в императорских садах.

Наконец она описала ему, как выглядел золотистый яд. У нее закончился воздух, и она вдохнула полной грудью.

– Как видишь, смерть короля не была естественной, несмотря на то, что в официальных постановлениях... – Чи-

тают ли заключенные постановления? – Несмотря на то, что все королевство уверено в обратном. Как только я начну расследование, Совет изучит улики и постановит, что они подлинны. Когда он направит дело в суд, мне понадобится представитель, и...

Сколько можно ходить вокруг да около?

– ...и, когда пробьет час, согласишься ли ты? Захочешь ли стать этим представителем?

За тишиной последовала тишина, а затем снова тишина.

У Хэсины вспотели ладони. Она попыталась сосредоточиться на чем-нибудь другом: например, на волосах заключенного. Они были коричневатые, словно глина, – по меньшей мере на три оттенка светлее угольно-черных завитков, украшавших головы детей Яня с того момента, как они появлялись из утробы матери.

Возможно, он был иностранцем. Возможно, он не понял ни слова из того, что она сказала. Это стало бы разочарованием – не первым, с которым она столкнулась, пытаясь осуществить свои планы, но самым болезненным. Как ей удастся выдать его за студента, желающего сдать экзамен, если он неграмотен?

– Извини, – прошептала Хэсина, как будто он задремал, а она не хотела его будить. – Ты же понимаешь язык, на котором я...

Он резко поднял глаза, и у нее перехватило дыхание.

Хотя лицо грабителя распухло и его расцветчивали синя-

ки, Хэсина увидела, что он поразительно молод. Он встретился с ней взглядом. Его глаза – как и волосы – были странного цвета: серые, точно камень. Прочитать их выражение было невозможно. Хэсина напряглась.

Без предупреждения он взял ее за правую руку. Она едва не взвизгнула, когда он прижал палец к ее ладони и стал выводить на ней иероглифы общего языка.

Я ВСЕГО ЛИШЬ ПРЕСТУПНИК, ГРАБИВШИЙ КУПЦОВ. Я НЕ МОГУ ВАМ ПОМОЧЬ.

Хотя бы какое-то начало.

– Я поддерживаю тебя всем, чем смогу.

ПОЧЕМУ Я?

К ЧЕМУ ПОИСКИ?

К ЧЕМУ ПРУТ?

Хэсина сжала руку в кулак. Он схватил ее крепче и, наклонив голову вбок, стал рассматривать принцессу. Потом постучал по костяшкам ее пальцев. Изо всех сил стараясь унять колотившееся сердце, она неохотно раскрыла ладонь.

НЕ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ.

Он прекратил писать, потом начал снова.

Как вы собираетесь довериться мне, если сами храните тайны?

Куда исчезли неровные росчерки и нетвердые линии человека, пишущего на малознакомом языке?

Не ему было говорить о тайнах.

– Честность в делах, касающихся суда, – это все, о чем

я прошу, – произнесла Хэсина с уверенностью, которой не ощущала. Неужели он мог разглядеть тайны, которые скрывал ее язык? Или, быть может, ложь оставила на ее зубах пятна?

А если я откажусь быть вашим представителем?

– Значит, откажешься. – У нее внутри все упало, когда она представила себе этот сценарий – провести ночь, рискуя быть подвергнутой линчи, только для того, чтобы остаться с пустыми руками. – Ты имеешь на это право.

Значит, вы человек принципов.

Который лжет ради правды.

Хэсина выдержала его невозмутимый взгляд. И что с того? Секунды бежали, и ей стало понятно, что он видит ее насквозь – такой, какая она есть. Отец научил ее честности, но обман был ее родным языком. И что с того? Сможешь ли ты сотрудничать с лицемеркой?

На этот раз он выводил иероглифы медленнее, как будто, рисуя линии, все еще принимал решение. Наконец он поднял палец, но Хэсина не смела вздохнуть. Она посмотрела на свою ладонь, хотя слова были невидимы, и попыталась найти ответ в ощущениях, оставшихся от его прикосновений.

Оптимизм погубит ее.

Умеете драться на дуэли?

– На дуэли? – переспросил Цайянь, когда Хэсина закончила пересказывать свою беседу с заключенным.

Они разговаривали на следующий день после того, как принцесса посетила подземелья. Когда закончилось утреннее собрание, они с близнецами встретились в рабочем кабинете короля. Теперь они сидели вокруг игрового столика из сандалового дерева, на низких нефритовых скамеечках, напоминавших кочаны пекинской капусты.

– Да, на дуэли. – Хэсина смотрела на фигуры, стоящие на доске для игры в сянци¹⁴, и обдумывала ход. – Он сказал, что будет представлять меня, только если я одержу победу.

– Он издевается, – сделала вывод Лилиан. – Либо заигрывает с тобой. Либо и то и другое.

– Его мотивы не ясны, – перефразировал Цайянь. – Но если бы он не хотел представлять вас, он не стал бы ставить условия. А что вы думаете, миледи?

«Сначала думайте, потом действуйте», – повторяли Хэсине преподаватели. Из их уст это звучало так легко. На практике же Хэсина действовала чаще, чем думала. Она покраснела и постаралась ответить так, чтобы не выказать этот недостаток.

¹⁴ Сянци – китайская логическая настольная игра, имеющая некоторое сходство с европейскими шахматами.

– Он создает впечатление довольно честного человека...
А еще подозрительного.

– ...Я думаю, я могу положиться на его слово.

Она даже не знала, умеет ли он говорить.

Однако Серебряный Ирис не солгала насчет прута. Во всех подземельях не обнаружилось второго. И заключенный явно не был простым грабителем, нападавшим на купцов, как было записано в тюремных документах. Хэсина вспомнила, что, когда он каснулся ее ладони, у нее загорелись не только щеки, но и шея. Она поспешно подвинула колесницу так, чтобы та оказалась в одной линии с другой такой же фигурой, поставив шах императору Цайяня.

– Я все еще расстроена, что ты пошла к нему без меня, – донесся с топчана голос Лилиан. Она лежала на спине, закинув лодыжку одной ноги на колено другой. Между ее пальцами была натянута лента для волос – она играла с ней, скручивая ее в разные фигуры. Фартук Лилиан был весь в голубых и желтых пятнах. В этот день в мастерских красили ткани.

– Если все сложится удачно, увидишь его в суде, – сказала Хэсина.

– И прут тоже?

– Не надо, пожалуйста. – Цайянь преградил путь колеснице Хэсины пороховой бочкой, одновременно поставив под удар ее коня. – Еще только полдень.

Лилиан хмыкнула.

– Говорит любитель эротических романов.

Цайянь вздохнул, но Хэсина заметила, что его темные глаза весело блеснули. Ощутив укол зависти, она перевела взгляд на игровую доску. Ей с Санцзином обмен колкостями давался далеко не так легко.

– Я бы посоветовал вам освежить навыки фехтования, раз вы собираетесь драться на дуэли, миледи.

– Ты бы посоветовал? – рассмеялась Лилиан. – На-На хотя бы умеет держать меч в руках!

– Это вопрос спорный, – напомнила ей Хэсина. По сравнению с Санцзином, наносившим удары мечом быстро, словно ястреб, она напоминала хлопающую крыльями мандаринскую утку¹⁵. Но в чем-то Лилиан была права. Хэсина никогда не видела Цайяня с оружием в руках, и лишь один раз на ее памяти он получил ранение. Вспоминать о том дне ей не хотелось.

Так как Цайянь разрушил комбинацию с двумя колесницами, ей пришлось ходить пороховой бочкой, которую она берегла для того, чтобы прикрывать своего собственного императора.

Цайянь выдвинул вперед пешку.

– Ваш план не до конца продуман, миледи.

Хэсина защитила своего императора советником, не слишком задумываясь над ходом.

– Поясни, о чем ты.

¹⁵ Мандаринская утка, или мандаринка – небольшая птица рода лесных уток семейства утиных, обитающая на Востоке.

Пешка Цайяня пересекла реку, разделявшую доску посередине, и получила дополнительную способность.

– Предположим, Совет расследований изучит улики и очертит круг подозреваемых, после чего назначит суд. Вы победите на дуэли, и заключенный согласится вам помочь. Но как вы убедите Ся Чжуна выбрать его вашим представителем?

– Это легко. – Лилиан взмахнула рукой. – Зачитай что-нибудь внушительное из «Постулатов». Параграф 1.1.1. «Министр должен служить!» Параграф 1.1.2. «Королеву должен представлять заключенный с прутом!»

Цайянь покачал головой, но Хэсина едва не рассмеялась в голос. Ся Чжун действительно трактовал учения Одиннадцати об аскетизме до крайности буквально. Во дворце ходили слухи, что у него протекает крыша; что в мешках, хранящихся в его кладовой, мышинных экскрементов больше, чем риса; что он спит на коврике для молитв и зимой зажигает лишь одну жаровню, а также что за последние десять лет он ни разу не менял нижнее белье. Хэсина надеялась, что последнее утверждение было ложным – такая привычка вряд ли пошла бы министру во благо.

– Я что-нибудь придумаю, – сказала она Цайяню.

И хорошо бы сделать это побыстрее.

Даже монах должен чего-то хотеть.

– Разумеется, – согласилась Лилиан, не дожидаясь дальнейших пояснений. – Если ты принесешь ему оригинал «По-

стулатов», он, наверное, взлетит от счастья.

Не только он. Ученые по всему Янью стали бы боготворить Хэсину, найди она манускрипт, написанный самими Одиннадцатю героями. Он исчез в скором времени после свержения бывшего императора, так что Хэсина с тем же успехом могла отправиться на поиски мифических Баолиньских островов.

Цайянь выиграл партию, и Хэсина потеряла виски.

– А что-нибудь, кроме «Постулатов»?

– Это же Ся Чжун, – Лилиан сбросила ленту с пальцев и потянулась на топчане. – Благие героини! Я бы ни за что не смогла так жить.

Однако раньше она так жила. Близнецы редко рассказывали о своем прошлом, но Хэсина замечала его отпечатки всякий раз, когда Лилиан выбирала самое теплое место в комнате, а Цайянь после обеда заливал пустую миску чаем и выпивал его вместе с оставшимися там зернышками риса. Они жили так, словно знали, что однажды могут лишиться всех благ. Так, будто помнили, каково это – существовать без крыши над головой, без пищи, без отца.

Но Хэсина не была похожа на близнецов. Для нее потерять отца не значило вернуться в мир, который она когда-то знала. Она оказалась не готова.

Она была одна.

Хэсина медленно встала из-за квадратного столика, потом поднялась на несколько ступенек, которые вели в другую по-

ловину комнаты, и подошла к окну, тянувшемуся от пола до потолка.

Внизу раскинулись императорские сады, и в окна лился сладкий аромат перезревших персиков. Каждый из дворцов строили по одному и тому же принципу: во внутренних дворах находились другие внутренние дворы, в залах – новые залы. Кабинет отца был исключением. Половина комнаты располагалась на гранитной глыбе, поэтому из ее окон открывались виды на все четыре сада – сад с карпами кои¹⁶, сад шелка, сад камней и фруктовый сад – и на пруды, которые были соединены крытыми галереями, извивавшимися между миниатюрными горными грядами и зарослями ююб¹⁷.

Хэсина любила эти виды, но сейчас она почувствовала, как у нее сжимается сердце. Быть может, восемь дней назад ее отец точно так же смотрел в эти окна? Быть может, это запах летних персиков выманил его в сады, заставив воспользоваться тайным проходом, который скрывался за книжными полками? Уходя, он не задвинул на место свой любимый стул, окрашенный в цвета панциря черепахи, и оставил кисточки из волчьей шерсти в чернильнице. На столе его дожидались бронзовый кубок на трех ножках, флакончик с благовониями и экземпляр «Постулатов», открытый на жизне-

¹⁶ Карп кои, или парчовый карп – искусственно выведенная декоративная разновидность обычного карпа, имеющая необычную яркую расцветку.

¹⁷ Ююба, или зизифус (*лат.*) – дерево, которое в России известно как китайский финик. В ряде религий и культур считается священным.

описании Первого. Хэсина долго и мучительно решала, что ей делать: оставить все как есть или принять тот факт, что отец больше никогда не вернется в свой кабинет.

В конце концов она сложила в ларец все, что лежало на столе. Туда же она убрала костюм посыльного, который был на отце в день его смерти. Кажется, свою печаль Хэсина тоже поместила в ларец и запрятала подальше. Туда, куда не доберется пыль. Туда, где она всегда будет как новая.

– На-На... – На ее плечи легла рука. Хэсина не стала сопротивляться и дала Лилиан себя обнять. – Ты всегда можешь отложить все в сторону и отдохнуть. Положись на нас. Мы с тобой.

Но с отцом все было иначе. Ночами он показывал ей театр теней. Они переодевались в костюмы и рассматривали карты тайных проходов. Из года в год он сажал ее на плечи – то был ее собственный трон. Вместе они смотрели, как карета королевы скрывается в тумане, унося ее в Оуянские горы, где свежий воздух и высота должны были поддерживать ее слабое здоровье. Потом отец отводил Хэсину в рощу, где росли дикие финики. Они срывали плоды с веток, наедались ими до отвала, и вдруг Хэсина начинала плакать, скучая по матери, которая никогда не скучала по ней.

Проливая слезы, она не замечала беззаветной любви, которая была прямо перед ней. Теперь ей оставалось лишь одно: добиться правосудия. Только так она могла отблагодарить отца. Попрошаться с ним. Сказать: я люблю тебя.

Цайянь поднялся к Хэсине с Лилиан и положил ладони им на плечи. Они втроем стояли так, пока где-то вдалеке не раздался барабанный бой. Вскоре к нему добавились резкие звуки труб, а потом они услышали единственный, оглушительный удар в гонг.

Близнецы отпрянули назад в то же мгновение, когда Хэсина отстранилась от них.

Она вышла из кабинета, приказывая себе не бежать, никуда не спешить. Лишь глупцы несутся навстречу разочарованию. Но звук гонга пробудил в ней маленькую девочку, и она снова стала глупышкой, которой когда-то была. Она поднималась по ступеням восточной сторожевой башни – сначала уверенным шагом, потом все быстрее, пока не перешла на бег.

Резким движением она раскрыла створки двери и устремилась мимо ошеломленных стражей прямо к парапету. Наклонилась через ограду, и у нее перехватило дыхание. Сторожевая башня была довольно далеко от городских стен – их разделял один ли¹⁸, – но теперь Хэсине хватало роста, чтобы без посторонней помощи разглядеть, что там происходило. Вереница карет вползала в Восточные ворота, словно змея, облачившаяся в траурную белую чешую¹⁹, и извивалась между скоплениями горожан. В ее голове реяли знамена, изоб-

¹⁸ Ли – древняя китайская единица измерения расстояния, составлявшая 300 – 360 шагов, приблизительное метрическое значение – 500 метров.

¹⁹ В китайской традиционной культуре цвет траура белый.

ражавшие знаки императорской власти.

Сердце Хэсины одновременно наполнилось и опустело.
Ее мать наконец вернулась домой.

Четыре

Их должно быть шестеро – по одному в каждом из министерств. Необходимо назначать на эту службу людей, выказавших талант и добродетель.
ПЕРВЫЙ из ОДИННАДЦАТИ о министрах

Они – последняя линия обороны в борьбе с продажностью и взяточничеством.
ВТОРОЙ из ОДИННАДЦАТИ о министрах

Стоя на террасе, Хэсина пыталась воскресить в памяти тепло отцовского кабинета, но не могла. Она смотрела вниз. Пионовый павильон был набит горожанами и знатью. Ее мать медленно поднималась по ступеням, и по обе стороны от нее в воздух взлетали клинки, а толпа покрывалась рябью – люди кланялись ей. С возвращением королевы лето закончилось и началась осень – время года, когда правит смерть.

Дети короля ожидали ее, выстроившись так же, как и обычно. По правую руку от Хэсины стоял Санцзинь, по левую – Жоу, сын Благородной супруги. Ся Чжун отводил место возле законнорожденных наследников Жоу, а не близнецам, хотя Хэсина никак не могла понять почему. Близнецы стояли позади самой Благородной супруги, которая редко покидала свои покои, расположенные в Южном дворце.

Когда она появлялась на людях, на ней всегда был головной убор с плотной, непрозрачной вуалью, скрывавшей лицо. Вуаль служила поводом для множества сплетен. Хэсине это было хорошо известно: она сама распустила некоторые из них.

Правда, она тогда была совсем маленькой. В четыре года она впервые издала увидела двухлетнего карапуза, которого звали Жоу. В шесть она узнала правду: в Южном дворце жила какая-то женщина со своим сыном – тем самым мальчишкой в голубом костюмчике, – который, как и Хэсина, звал короля отцом.

Первое в жизни предательство на вкус было горьким, словно лекарство из черепашьей крови. Отец солгал ей. Мальчишка *не* был принцем из королевства Ци, *не* был их гостем. Королева *не* была единственной, кому король отдавал свою любовь.

Хэсина не разговаривала с отцом несколько недель. Когда злиться стало нестерпимо, она простила его, но в ее сердце остался болезненный узелок. Только переложив вину на кого-то другого, она могла его распутать.

Поэтому она стала винить супругу Фэй и Жоу. Она была не права. Но так ей становилось легче.

Правда, легче становилось не всегда. Точно не теперь, когда Жоу очень старался поймать ее взгляд. Хэсина с ужасом поняла, что он собирается с духом, чтобы заговорить. Наконец, когда королева уже подходила к верхней террасе, он улыбнулся Хэсине и сказал:

– Удачи, сестра.

Хэсина холодно кивнула ему. В такие моменты она чувствовала, что по сравнению со сводным братом она ужасный человек.

Позднее она задумалась, что он хотел этим сказать. Он желал ей удачной встречи с королевой? Удачи с благословением? Или он был настолько добросердечен, что просто хотел, чтобы удача сопровождала ее?

Впрочем, это не имело значения. Когда дело касалось матери, удача никогда не была на стороне Хэсины.

Королева вступила на верхнюю террасу. Она была облачена в безукоризненный темно-синий рюцонь свободного кроя. Ее лицо напоминало керамическую маску, которая привлекает взгляды, но легко идет трещинами. Уголки ее губ опустились, и она жестом велела разойтись всем, кроме своих законнорожденных детей.

Хэсина и Санцзинь последовали за матерью к главному входу во дворец. Когда они дошли до красного лакированного порога, Хэсина протянула королеве руку, но та не обратила на нее внимания и оперлась на руку Санцзиня. Тем не менее все могло быть и хуже. По крайней мере, Хэсине не пришлось сгорать от стыда перед толпой горожан.

На этом унижения не закончились. Когда они добрались до королевских покоев, мать отказалась принять из рук Хэсины чашку чая и снова выбрала Санцзиня. Служанки притворились, что ничего не заметили, и продолжили обмахивать

вать королеву веерами как ни в чем не бывало. Хэсина при-
творилась, что ей все равно.

– Тебе нужно мое благословение, так?

Волосы королевы, заколотые золотыми шпильками, были
так же черны, как у Хэсины. Время не изменило ни ее внеш-
ность, ни ее покои. Слуги усердно поддерживали в них по-
рядок ради нескольких дней в году, которые она проводила
во дворце.

Оказавшись здесь, Хэсина как будто снова превратилась
в шестилетнюю девочку. Свисавшие с потолочных балок ор-
хидеи напоминали ухмыляющиеся лица. Ноги начинали бо-
леть, стоило вспомнить о том, как она стояла на коленях на
этом полу из красного палисандра.

– Да, – ответила Хэсина ровным, холодным голосом, ста-
раясь, чтобы в него не закралась надежда.

– У тебя есть писарь, которому ты доверяешь?

Однако надежда все равно зазвучала в ее словах.

– Да. Я могу позвать...

– Вот и хорошо. Можешь приказать ему подделать благо-
словение, потому что тебе никогда не получить его от меня.

Служанки на мгновение замерли, потом снова замахали
веерами.

Хэсина попыталась успокоиться. Это благословение было
ей необходимо.

– Я готова исполнять свои обязанности, мама.

Королева обратила равнодушный взгляд на чашку, кото-

рую держала в руке.

– Ты говоришь о коронации как о чем-то неизбежном. – Она поставила чашку на столик, и та звякнула. – Но, возможно, я захочу остаться.

Все замерли.

Мать. Останется. Будет править как регент.

Хэсина не рассматривала такой исход как возможный, но что, если ничего плохого в нем не было? Если принцесса расскажет матери о смерти короля, та, разумеется, тоже захочет найти убийцу. Тогда корона и трон перестанут иметь значение.

Придворная врачевательница, ухаживавшая за королевой наравне со служанками, поставила на столик фарфоровую чашу, от которой шел пар. В нос Хэсины ударил терпкий запах женьшеня.

– Будьте благоразумны, Ваше Высочество. Вам нельзя долго оставаться вдали от горного воздуха.

– Вам следует сосредоточиться на том, чтобы поправить здоровье, мама, – добавил Санцзинь, стоявший подле королевы. Это было его заслуженное место – в отличие от Хэсины. Брат перевел на нее взгляд, и она застыла. – Шина станет хорошим правителем.

Королева рассмеялась коротким, лающим смехом.

– Ты заступаешься за сестру, но знаешь ли ты хотя бы половину того, о чем она думает?

Как будто она знала это сама.

Королева склонила голову набок и посмотрела на дочь. Хэсина почувствовала, как у нее деревенеет тело.

– Ты. Почему ты так сильно хочешь править?

Еще неделю назад Хэсина не смогла бы ответить. Это судьба избрала ее. Лишь сейчас, семнадцать лет спустя, Хэсина избрала ее в ответ. Ради истины, ради справедливости и ради отца.

Но у нее не было привычки открывать матери душу.

– Почему бы мне *не хотеть* править? – В конце концов, ее готовили к этому всю жизнь. Она жертвовала своими детскими увлечениями, чтобы изучать каллиграфию, космологию и дипломатию.

– Если ты делаешь это ради отца, то напрасно стараешься. Хэсина моргнула.

– Что вы имеете в виду?

Королева подняла руку, и служанка тут же начала ее растирать.

– Что бы ты ни делала, его не вернешь, – сказала она странным, усталым голосом.

Неужели мать принимала ее за ребенка? За малышку, которая все еще верит в сказки преподавателей о том, что, если учиться усердно, станешь бессмертным мудрецом и обретешь способность воскрешать мертвых?

Но прежде, чем Хэсина успела ответить, придворная врачевательница цокнула языком и кивком головы указала на чашу, от которой по-прежнему шел пар.

– Отвар остывает, – проговорила она спокойным голосом, таким же, каким сообщила Хэсине, что король умер естественной смертью.

Хэсина вспомнила о своей цели и, схватив чашу со стола, опустилась на колени. Потом склонила голову.

– Пожалуйста, мама. Примите это.

Примите меня.

Придворная врачевательница ошибалась. Отвар не остыл. Подушечки пальцев Хэсины горели огнем, и ей казалось, что жар доходит до самых костей. Но она не опускала чашу. Она давала матери возможность. Раз королеве было слишком трудно произнести слова одобрения, она могла просто принять отвар как символ того, что Хэсина почитает и уважает ее.

Руки Хэсины уже начинали неметь, когда послышался стук в дверь. Служанка поспешно открыла створки, и в комнату зашел мужчина. Поле зрение Хэсины было ограничено, поэтому она видела лишь подол его ханьфу.

– Надеюсь, вас привело сюда важное дело, министр Ся, – холодно произнесла мать Хэсины.

Ся Чжун?

Хэсина не верила своим ушам. Она не могла поверить в происходящее, даже когда Министр ритуалов проговорил:

– Я не стал бы беспокоить вас, если бы мое дело не было важным.

Она не верила, даже когда министр стал рядом с ней на ко-

лени и обдал ее запахом мокрых, холодных чайных листьев.

– Я пришел, как только узнал, что вы вернулись, – сказал Ся Чжун. – Нам нужно обсудить вопрос престолонаследия.

Хэсина напряглась. Внезапно ее охватила уверенность, что Ся Чжун узнал об измене, узнал о визите в подземелья. Он видел ее лживое сердце насквозь. Он пришел заявить, что она не может стать королевой.

– Она не готова. – Неверие матери обожгло Хэсину, но это было ничто по сравнению со смертью от тысячи порезов. У нее закружилась голова. Когда министр заговорил, она изо всех сил старалась следить за его мыслью.

– Параграф 2.1.3. «Ни один правитель, будь он молод или стар, не может знать всего. Земли королевства обширны, и их населяет множество людей. Без постоянной помощи со стороны советников и министров даже самые опытные короли и королевы окажутся неспособны исполнять свой долг».

Когда он закончил, наступила тишина. Наконец ее нарушила королева.

– Убирайтесь вон из моих покоев, – приказала она. Только тогда Хэсина поняла, что хотел сказать Ся Чжун, зачитывая этот отрывок. Он пришел не для того, чтобы обличить ее. Наоборот, он убеждал королеву дать ей благословение.

– Подождите.

Министр низко поклонился и поднялся на ноги, разогнув сначала одно колено, потом другое. Он стал пятиться к двери, не оборачиваясь к королеве спиной – тем самым он вы-

казывал ей величайшее уважение. Когда створки захлопнулись, Хэсина пожалела, что вернуть его было не в ее власти. Но это все равно ничего бы не изменило: ее мать уже приняла решение.

Хэсина сжала зубы, и у нее закололо в висках. Она стала опускать отвар.

Внезапно чаша как будто стала легче. В следующее мгновение Хэсина поняла, что ее пальцы больше не сжимают фарфор.

– Если ты действительно этого хочешь, прими корону. Прими мое благословение.

Хэсина не подняла головы, но задышала судорожнее и чаще. Она осмелилась надеяться.

– Можешь поставить королевство на колени. Мне плевать!

Мать выпустила чашу из рук, и она разбилась, залив пол отваром.

Королева рассмеялась, потом закашлялась. Она смеялась и кашляла одновременно. Половина служанок обступила ее, в то время как другие собрались вокруг Хэсины, подбирая осколки.

Хэсина не вставала с колен. Раньше она расплакалась бы, обвинив во всем себя, болезнь королевы, кого угодно и что угодно, только не мать, сердце которой было словно сделано из фарфора.

Но это время осталось в прошлом. Пока темно-зеленая жидкость растекалась все дальше, Хэсина положила на пол

одну руку, опустила на нее другую и прижалась к ним лбом, совершая обряд коутоу²⁰. Благодаря королеве Хэсина могла рискнуть всем ради отца – и даже больше чем всем. Благодаря королеве она могла действовать без сожалений.

– Ся Чжун! Подождите! – крикнула Хэсина, спеша за министром по крытой галерее.

Она знала, что ведет себя не по-королевски, но ей было все равно.

Министр обернулся.

– Спасибо вам, – сказала она, наконец поравнявшись с ним. Для человека, питавшегося, по слухам, лишь тофу с зеленым луком, он ходил поразительно быстро. От Северного дворца, в котором раньше располагались гаремы императоров, а теперь – кабинеты министров, их отделял один только сад камней.

Ся Чжун поклонился, и деревянные четки, висевшие на его шее, качнулись вперед и защелкали.

– Министр исполняет то, к чему его обязывает долг.

– Пожалуйста, поднимайтесь. – Хэсина помогла ему расправить спину.

²⁰ Коутоу – обряд тройного коленопреклонения и девятикратного челобитья, который по китайскому этикету было принято совершать при приближении к императору.

Возраст не красил Ся Чжуна. Он оставался высоким и худым, и его нос был острым и красиво очерченным, но вся кожа министра покрылась морщинами и обвисла. На лысом черепе виднелись темные пигментные пятна. Глаза навывкате, а под ними – большие отеки, которые оттягивали его нижние веки и придавали ему сходство с рыбой.

Его одежда тоже видала лучшие времена. Черная ткань выцвела и теперь казалась серой, а малахитовые манжеты приобрели оттенок плесени. Хэсина снова ощутила запах мокрых чайных листьев и подавила рвотный позыв.

Ся Чжун сделал шаг назад, словно почувствовав, что ей неприятно стоять рядом с ним. Хэсина покраснела от стыда.

– Я могу чем-нибудь помочь вам, дзянься?

Ей хотелось сказать «нет». Она пришла поблагодарить его, а не выставлять напоказ свое бессилие.

Но он и так уже стал свидетелем ее унижения. Он заступился за нее. Его слова, словно факел, осветили глубочайшие, темнейшие подземелья ее неуверенности в себе. Он не был Хэсине другом, но, стоило ей верно разыграть свои карты, он мог бы стать ее союзником.

– Я бы хотела попросить совета. – Она жестом пригласила Ся Чжуна прогуляться, и они пошли по галерее, тянувшейся сквозь сад камней. По обе стороны от них лежали пористые валуны разных форм, которые должны были навевать оптимистичные мысли – например, о долголетьи. Но, глядя на трещины и укромные местечки между камнями, Хэсина

думала лишь о том, как они с отцом играли здесь в прятки.

– Если бы смерть моего отца не была естественной...

Она ждала, что министр посмеется над ней или пренебрежительно отмахнется от ее слов.

Он не сделал ни того ни другого.

– Если бы его убили, – несмело продолжила она, – имели бы люди право об этом узнать?

– Параграф 3.4.1: «Дело о частном или публичном правонарушении, касающееся индивидуального лица или учреждения, должно быть направлено в Совет расследований соответствующей провинции». Решать необходимо Совету, а не нам с вами. Если найдется достаточно доказательств и подозреваемых, дело передадут в суд и людям сообщат об этом, в соответствии с законом, прописанным в «Постулатах».

Жаль, что Ся Чжуна не было рядом с ней, когда она разговаривала с братом.

– А что, если бы при этом политическая ситуация в стране была... нестабильной?

– Параграф 3.4.2: «Правосудие подобно человеческому телу. В отсутствие веры оно слабеет. В отсутствие регулярной работы начинает разрушаться. В отсутствие сложных задач оно не крепнет». В маленьких судебных делах есть свои сложности, дянся. И в больших тоже.

«Постулаты», многие страницы которых были пропитаны ненавистью к пророкам, всегда казались Хэсине пропагандой. Даже отец предупреждал ее, что не стоит воспринимать

эту книгу слишком буквально. Но в руках Ся Чжуна каждый абзац становился грозным оружием. Это поражало и восхищало ее.

– Если это все, о чем вы хотели поговорить, – сказал министр, когда они подошли к концу галереи, – то мне пора идти.

– Это не все.

Они подошли к лунным вратам²¹, которые вели к Северному дворцу. Сквозь круглую арку, высеченную из известняка, Хэсина мельком увидела дом министра. Слухи были верны: на крыше не хватало половины черепичных плиток.

Ся Чжун не пригласил ее войти. Хэсина не винила его за это.

Они остановились под навесом в конце галереи. Министр ждал, пока она заговорит. Хэсина призывала на помощь всю свою храбрость, собирала ее, словно шалаш из веток.

– Я хотела попросить вас об услуге.

– Ваша просьба не противоречит заветам «Постулатов»?

Она не смогла соврать.

– Я не знаю.

– Тогда ничем не могу вам помочь. – Ся Чжун сделал шаг прочь от Хэсины.

– Подождите, – поспешно произнесла она. Министр обернулся, и ей показалось, что в его рыбьих глазах вспыхнуло

²¹ Лунные врата – декоративный архитектурный элемент традиционного китайского сада.

раздражение, но, когда она снова поймала его взгляд, в нем не было эмоций.

– Я знаю одного мальчика. Мальчика, обладающего огромным талантом и многими умениями. – На этот раз ложь давалась ей легко. Слишком легко. Лицо Хэсины едва не исказила гримаса боли, когда она представила, что подумал бы о ней сейчас отец. – Он совершил несколько ошибок. Жизнь его была трудна, и он оказался в отчаянном положении. Но он всегда мечтал сдать экзамены и поступить на государственную службу. Он хотел служить родине.

Она старалась говорить эмоционально, приправляя свою историю правдой. Она ведь и правда знала такого мальчика. Его звали Цайянь.

Но Цайянь никогда не обворовывал купцов на пять сотен баньяней²².

– Сейчас он заточен в темнице. Напрасно тратит свою жизнь. Я могла бы даровать ему помилование, но у него нет дома, нет семьи. Если его отпустить, он погибнет на улицах. Единственное, что может спасти его, – это допуск к экзаменам без предварительных испытаний.

Ся Чжун покачал головой, не дав ей закончить.

– Нет.

– Прошу вас. Если дело моего отца дойдет до суда, выберите его моим представителем.

– Я сказал нет, – повторил министр и проскользнул мимо

²² Баньянь – бронзовая монета. Первая единая валюта Китайской империи.

нее.

Хэсина сжала кулаки. Она сбилась со счета, сколько солнечных дней ей пришлось просидеть в четырех стенах, читая очередной трактат или комментарий к «Постулатам» и заучивая абзацы наизусть, чтобы потом выплюнуть их в лицо преподавателям. Не может быть, чтобы она делала все это зря. Раз Ся Чжун умел пользоваться словами мертвецов, она тоже сумеет.

– Параграф 5.7.1: «Следует отменить смертную казнь за незначительные преступления, такие как кража и вандализм, потому что совершившие данные проступки обладают потенциалом и могут возместить свою вину, а потенциал нельзя уничтожать». Параграф 4.6.3: «К экзаменам должны допускаться все претенденты, вне зависимости от пола, социального положения и происхождения». Параграф 5.2.2: «В новую эпоху всем людям будут даны равные возможности обеспечить себе жизнь собственным трудом».

Министр застыл на месте.

– Параграф 2.4.1, – добавила Хэсина для пущей верности. – «Министру подобает служить».

По галерее пронесся порыв ветра, и к ногам Хэсины прилетели первые листья, опавшие с деревьев гинкго²³.

– Назовите имя, – сказал министр.

Она не ответила.

– Быстрее, – со злостью добавил он. – Пока я не переду-

²³ Гинкго – реликтовое растение, произрастающее в некоторых районах Китая.

мал.

Имя.

Имя.

Имени она не знала. Она сочинила об этом человеке подробную историю, но не имела понятия, как его зовут.

Она была готова призвать на себя всех демонов преисподней.

– Камера 315.

Министр ушел, не сказав ни слова. Хэсине хотелось провалиться сквозь землю.

На следующий день принцесса нашла на своем столе три письма.

Одно пришло из Совета расследований. Дело об убийстве короля передали на рассмотрение. Если его направят в суд, ее оповестят.

Второе написал придворный астролог. Он сообщил, что выбрал благоприятную дату для ее коронации. До нее осталось две ночи.

Последнее письмо было от Ся Чжуна.

Хэсина медленно развернула бумагу, чувствуя, как от страха пересыхает горло. В нем, кажется, не осталось ни кап-

ли влаги, словно в пасте из семян лотоса²⁴.

Параграф 2.4.1: «Министру подобает служить».

Если суд будет объявлен, считайте Осужденного 315 моим подарком в честь Вашей коронации.

²⁴ Паста из семян лотоса – ингредиент для китайских десертов. Во время приготовления из него выжимается вся жидкость.

Пять

Война – то же воровство, только в более широких масштабах.

ПЕРВЫЙ из **ОДИННАДЦАТИ** о войне

Императоры думают, что это игра. Они сидят у себя на тронах и наблюдают, как за них гибнут люди.

ВТОРОЙ из **ОДИННАДЦАТИ** о войне

Нанести удар сверху вниз.

Умеете драться на дуэли?

Крепче обхватить рукоять.

Приходите, когда будете готовы.

Замахнуться влево так, чтобы движение шло от корпуса.

Победите меня.

Поднять предплечье на уровень глаз.

И я стану вашим представителем в суде.

Нанести удар справа.

– Нет, ты делаешь это неправильно.

Хэсина опустила меч.

Санцзинь подошел к ней сзади и поправил ее руку на эфесе меча. Потом, придерживая ее за локоть, показал несколько движений.

– Твой оппонент – не бревно, которое нужно разрубить,

а картина, которую надлежит закончить. Острие меча всегда должно опускаться уверенно. Расслабь запястье, тогда амплитуда твоих движений станет шире. – Он отошел от нее. – Попробуй еще раз.

– Перестань постоянно нападать с одной стороны, – рявкнул он, когда Хэсина трижды повторила атаку. – Это делает тебя предсказуемой.

Принцесса нанесла удар справа и вернулась в стойку.

– Ты всегда побеждаешь, – буркнула она. По двору пронесся порыв ветра, и ветви ивы, скрывавшие белые известняковые стены, закачались. – Это делает предсказуемым тебя.

Санцзинь скрестил руки на груди.

– Я гениален и ничего не могу с этим поделать.

Хэсина фыркнула, потом улыбнулась. Лед между ними растаял, хотя бы ненадолго.

– Зачем ты здесь?

– Решил заглянуть, прежде чем отправляться на запад. Если память меня не подводит, ты приказала мне отсрочить войну.

Улыбка сошла с ее лица.

– Прямо сейчас?

Только тогда она заметила его одежду. Ноги Санцзиня обтягивали штаны с кожаными вставками. На плечи был накинута плащ из соломы, который всадники использовали для защиты от дождя. Он собрался в путь.

Она ждала, что Санцзинь ответит ей, но он молча прошел на середину двора, к столику из слоновой кости. Там лежала доска для игры в го²⁵, усеянная черными и белыми камешками.

Санцзинь окинул взглядом расстановку незаконченной партии и поднял белую фишку.

– Только что прилетел ястреб и принес сообщение с нашей границы с Кендией.

Он опустил фишку на доску.

– Мы потеряли деревню. Ее больше нет.

– Еще один набег? – спросила Хэсина и только потом осознала, как глупо прозвучали ее слова. Подвергнувшись набегу, люди теряли скот, быков и зерновые амбары. Иногда они теряли деньги. Иногда жизни.

Но не деревни.

– Объясни, Цзинь. – Ее охватили страх и недовольство собой. Недовольство – потому что она должна была отвечать, а не спрашивать. Страх – потому что она сомневалась, будут ли у нее эти ответы хоть когда-нибудь. Ее королевство слишком обширно. Сколько бы Хэсина ни училась, она останется слепа к происходящему на дальних рубежах. Ей всегда придется собирать информацию по крупицам.

– А как ты сама думаешь? – В глазах Санцзиня загорелся черный огонь. – На месте деревни ничего нет. Ни скота. Ни

²⁵ Го – логическая настольная игра с глубоким стратегическим содержанием, возникшая в Древнем Китае.

людей. Все исчезло без следа.

Он взял в руку черный камешек и сжал его так, словно хотел швырнуть. Хэсина инстинктивно сделала шаг назад, и пламя во взгляде ее брата погасло.

Он положил камешек рядом с белым.

– Люди говорят, что это дело рук пророков.

– Цзинь...

– Что? Ты не веришь мне?

Хэсина перевела взгляд на игровую доску, чтобы Санцзинь не прочитал в ее глазах сомнение. Да, пророков ненавидели за их дар. В былые времена из-за них пострадало бесчисленное множество людей. Стоило человеку подумать о мятеже, они доносили на него императору.

Но была и другая причина, по которой эта ненависть передавалась из уст в уста, из поколения в поколение. Ходили слухи, что пророки могут колдовать. Правда, никто не знал, как именно – все подробности были утеряны. Те немногие пророки, которых поймали за столетия, прошедшие со времен массовых гонений, точно не обладали магическими способностями. Иначе они наверняка бы воспользовались своей силой, чтобы избежать смерти от тысячи порезов.

А теперь брат пытался убедить ее, что по вине пророков исчезла целая деревня. Заставить ее поверить, что магия реальна. Но и это еще не все. Он утверждал, что пророки помогают Кендии. Произнеси он нечто подобное на улице, страна погрузилась бы в хаос. Люди тут же поверили бы в то, что

короля убили и без помощи Хэсины.

Внезапно все встало на свои места. Понимание накрыло Хэсину и окатило холодом, от которого у нее, казалось, замерзли мысли.

– Я вижу, что ты пытаешься сделать. – Она отвела взгляд от настольной игры и посмотрела брату в глаза. – Тебе не удастся запугать меня. Что бы ты ни сказал, я не откажусь от поисков правосудия.

– Пророки...

– ...никак не связаны с исчезновением деревни. Когда ты в последний раз встречал пророка? – С Хэсиной это случилось несколько дней назад, но что с того? – Когда в последний раз *хоть кто-нибудь* видел пророка, чьи способности не ограничивались бы даром? Нет никаких колдунов, Цзинь. Даже если они и существовали, то не пережили гонений. А вот что действительно есть, так это песчаные бури и твоя вечная паранойя.

– Ты думаешь, я боюсь за себя? Я... – Брат замолчал, подбирая слова. Его пальцы сжали рукоять меча так, что костяшки побелели. – Я не верю своим ушам.

– А я своим. Ты просто бредишь. – Кто-то из них должен был ошибаться.

– Да. – Ее брат грустно усмехнулся. – Видимо, так и есть. Скажи, как заставить тебя слушать? Забрасывать тебя цитатами из «Постулатов»?

Цитатами из «Постулатов»? Хэсина моргнула. Откуда он

мог это знать?

– Как бы то ни было, поздравляю, – проговорил Санцзинь невеселым голосом. – Уверен, что на коронации ты не станешь по мне скучать. Но если вдруг такое случится, Мэй будет там вместо меня.

– Она не поедет с тобой?

– У нее есть дела поважнее. Например, прятаться в тени и приглядывать за одной неопытной королевой.

– Я не нуждаюсь в ее опеке, – сказала Хэсина, отчасти чтобы позлить Санцзиня, но в то же время потому, что знала, как много значит для него военачальница Мэй. У ее брата было огромное число последователей и почитателей, но мало друзей. Это единственное, что роднило их с Хэсиной. – У меня есть охрана. У меня есть...

– Кто? – фыркнул Санцзинь. – Твой слуга?

– Прошло уже десять лет, Цзинь. – Десять лет с того дня, когда отец усыновил близнецов. Десять лет, в течение которых брат мучил Хэсину ревностью. Он обвинял ее в том, что она променяла его на Цайяня. Она обвиняла его в мелочности. Но чем больше она сближалась с Цайянем, тем сильнее отдалялась от Санцзиня. Это заставляло ее задумываться: неужели сердца всех людей были подобны сердцу ее матери? Неужели у каждого имелся лишь ограниченный запас любви, который приходилось делить – и не всегда равномерно?

Она села на стул, вырезанный из слоновой кости, и поло-

жила меч на колени. От спора о войне они перешли к спору о Цайянь. Но, по крайней мере, эта битва была ей знакома.

– Цайянь всегда вежлив с тобой. – Даже после того, что Санцзинь сделал с ним на озере тем зимнем днем. – Тебе не обязательно любить его, Цзинь. Но ты можешь его принять.

– Я не могу принять человека, которому не доверяю.

– Назови мне хоть одну вескую причину, по которой ты не доверяешь ему.

– Он плохо на тебя влияет. – Санцзинь стиснул зубы, услышав, как Хэсина фыркнула. *Цайянь и плохо влияет.* Она никогда бы не подумала, что кто-то может использовать эти слова в одном предложении. – Это из-за него ты...

– Что?

– Забудь.

– Что ты хотел сказать?

Санцзинь отвел взгляд.

– Ходила в квартал красных фонарей.

Меч соскользнул с коленей Хэсины – она поднялась на ноги, не осознавая того, что делает.

– Ты шпионишь за мной!

Она не спрашивала, она утверждала.

Сначала цитаты из «Постулатов». Теперь это.

Она ждала, что брат будет все отрицать. Но он не стал.

– Только потому, что ты ничего мне не рассказываешь.

– Ничего удивительного. Зачем мне доверять маленькому мальчику, который лезет не в свое дело?

Эти слова сработали. Ее брат развернулся – так быстро, что Хэсина даже не успела увидеть выражение его лица, – и зашагал прочь.

Вот и хорошо. Она опустилась на стул и судорожно выдохнула. Ее накрыли сразу все эмоции, которые она пыталась сдержать. Раздражение – да как он смеет за ней шпионить? Облегчение – ему неизвестно самое ужасное из того, что она совершила. И наконец, бессилие – он никогда не узнает, что она не доверилась ему ради его же блага. Не зная этого, он пойдет напрямик к конюшням и галопом поскачет прочь. Подумает, что ей все равно, а она не переубедит его, потому что не сможет догнать. Потому что не успеет сказать ему: «Береги себя».

Хэсина поднялась на ноги. Взяла меч и повторила движения. Она тренировалась, пока на ее ладонях не появились волдыри.

Раны на руках отвлекли ее от ран, оставшихся на сердце. Она могла подождать. Подождать, пока не назначат суд. Подождать, пока она не научится лучше владеть мечом. Но все, чего ей хотелось, – это сражаться. На мечах, а не на чувствах. С тем, кого она могла победить. С тем, кто не был ей братом.

Они стояли на тюремном дворе. Солнце освещало зажи-

вающие царапины и желтеющие синяки на лице заключенного. Он удобнее перехватил рукоять деревянного меча. Рукава его тюремной формы были изорваны в клочья.

Хэсина тоже поправила руку, не обращая внимания на то, что на ладони выступил пот. Она не нервничала. Ей нельзя было нервничать. Этот заключенный станет ее представителем. Она не согласится ни на кого другого.

Она вытянула меч вперед, чтобы определить расстояние, которое их разделяло.

Приготовься.

Сделай вдох.

Выжди несколько секунд.

Пора.

Она нанесла удар.

Дерево ударилось о дерево. Они повернулись друг к другу, и гравий полетел у них из-под ног. Хэсина надавила своим мечом на клинок заключенного, чтобы оценить его силу. Он напрягся. Его рукава задрались до локтей.

Сделав вывод, что их силы равны, Хэсина отступила назад и развернулась, затем встала в стойку и атаковала еще раз. Их мечи снова скрестились. Выпад следовал за выпадом, и вскоре Хэсина поймала ритм. Она предвидела удары противника и парировала их. Тучи заволокли небо, и тени исчезли. Первые капли дождя застучали по гравию, а через несколько секунд полил дождь.

Ощувив новый прилив сил, Хэсина перешла в наступле-

ние. Она нанесла удар снизу вверх, заставив противника раскрыться. Сделав шаг назад, он поскользнулся и раскрылся еще сильнее.

Она зашла сзади и ударила справа. Он тяжело перехватил рукоять. Хэсина чувствовала, что победа окружает ее. Она продолжила наступать и прижала заключенного к стене. Но когда она взмахнула мечом, ей в глаза вдруг бросились его узловатые запястья, костлявая грудь и ввалившиеся глаза, под которыми от бессонницы образовались темные пятна. Дождь сделал все это заметнее.

«В нашем мире равенство возможностей не является естественным порядком вещей», – прошептал голос ее отца. «Поэтому его необходимо тщательно возвращать».

Ее меч ударился о каменную стену.

Деревянный клинок заключенного взлетел в ее сторону. Инстинктивно Хэсина взмахнула мечом и вовремя отразила удар, но он был так силен, что ее плечо пронзила боль. Она обхватила свой клинок ладонью и попыталась оттолкнуть противника назад.

Он отскочил в сторону, а когда снова метнулся к ней, как будто превратился в совершенно другого фехтовальщика. Он ударил один раз и прижал ее к стене. Ударил второй, и ее руки задрожали. После третьего удара рукоятка выскочила из пальцев Хэсины. Ее меч полетел через весь двор, ударился о стену и раскололся.

Он поднял меч и прижал его деревянное острие к горлу

принцессы.

У нее закололо в груди, и она с хрипом вздохнула. Как так вышло? Почему она не распознала его истинные способности? Зачем он скрывал их? Кем был этот человек, называвший себя грабителем и умевший сражаться с такой силой и изяществом? Но вопросы поблекли, когда она осознала, что все это больше не имеет значения. Она проиграла. Дождь лил стеной. Он смешивался с болью поражения и пронизывал ее до костей.

Все было напрасно.

Она вышла из боевой стойки и замерла, ожидая, что заключенный последует ее примеру.

Но он так и стоял, направив деревянный клинок на горло Хэсины, растягивая мучительные мгновения ее позора. Наконец он опустил меч и вздохнул.

– Ладно.

Хэсина посмотрела на него с изумлением.

– Вы победили, – продолжил он. – Точнее, технически вы проиграли...

– Ты свободно владеешь яньским?

– Что?

– Ты можешь говорить на нашем языке?

Благие герои, неужели он в принципе умеет говорить?

– А, вы об этом. – Он почесал голову. – Я выучил его год назад. В тюрьме все равно больше нечем заняться.

Кончики ушей Хэсины покраснели.

– Тогда зачем... было все это? – она помахала ладонью.

– Я хотел, чтобы вы ушли, – пожал плечами он. – Так вот, как я уже сказал, вы проиграли, но сделали это специально.

– Что?.. Почему?.. Подожди... Я не проигрывала специально!

– Должен признаться, что сегодня я был не на высоте. И когда я раскрылся, вам показалось, что пользоваться этим нечестно.

Заклученный сделал шаг вперед, и Хэсина неловко отодвинулась. Мокрая одежда облепила его кожу, и сквозь рукава проступили рубцы старых ран. Стало заметнее, что черты его лица остры и четко очерчены, словно у лисы. У него были глаза юноши, но в них плескалась темнота, в которой таилась история побед и поражений длиною в жизнь.

Она отошла еще на шаг назад.

– Ты не ответил на мой вопрос. Почему ты дал мне шанс сразиться с тобой на дуэли?

Он остановился на расстоянии нескольких тростинок от нее.

– Почему вы сражались со мной сами, а не выставили вместо себя кого-то другого? Почему не стали угрожать мне, когда думали, что проиграли?

– Мы так не договаривались.

– Да. Но я не ожидал, что вы будете так...

Он разжал пальцы. На его ладони, исчерченной линиями, лежало что-то серебряное, формой напоминавшее стрекозу.

Ключ от всех дверей подземелий, снятый с веревочки, которая висела на поясе Хэсины.

– ...благородны. – С ключом в руке он зашагал через двор. – Не стоит верить в идеалы. Ваши стоили вам дуэли.

Он был заключенным. Она вот-вот должна была стать его королевой. Она могла приказать ему вернуться или, еще лучше, велеть, чтобы его выпороли за дерзость. Вместо этого Хэсина побежала за ним по лужам, забрызгивая грязью подол рюкзона. Когда они добрались до ступеней, которые вели в подземелья, она спросила:

– Значит, ты все-таки согласишься стать моим представителем?

– Вы поверите мне, если я скажу, что ваше поражение огорчило меня?

– Нет.

– У меня есть чувство, что вы даруете мне помилование. Так что я соглашаюсь помочь вам, чтобы обрести свободу. Теперь вы верите мне?

Его догадка было верна, но...

– Нет.

– Тогда как вам такое объяснение? Мне любопытно.

Темнота в подземном тоннеле была плотной, словно свиной жир, который время от времени растапливали факелы на стенах, образуя вокруг себя пятна света.

– Погибший король, – продолжил заключенный. – Обманутый народ. Девушка, жаждущая узнать правду. У такой ис-

тории может быть как очень счастливый, так и очень печальный конец. Я хочу посмотреть, что произойдет. Ну как, верите?

– Не обязательно отвечать *настолько* честно, – пробормотала Хэсина.

– Извините. У меня в голове эти слова звучали лучше.

– Так, значит, это правда? Ты здесь, чтобы посмотреть, что произойдет?

– Ну, и чтобы помочь, наверное.

– Наверное! – Она наступила ему на пятку, и он едва не упал.

– Чтобы помочь! – Он восстановил равновесие, потом бросил на нее взгляд через плечо. – Чтобы помочь.

В полумраке его глаза напоминали сосуды с дождевой водой, отражающие свет и не пропускающие его вовнутрь. Но все же в них читалась печаль, которая никак не сочеталась с ухмылкой на его губах. Человек с таким взглядом улыбался бы, даже истекая кровью. Внезапно Хэсину охватило раскаяние. Она хотела извиниться, что из-за нее он едва не упал, но он отвернулся, спрятав от нее и свои глаза, и улыбку.

– Но, если говорить по правде, я наношу вред чаще, чем помогаю.

На самом деле это не имело значения. Она могла избавиться от его прошлого. Могла создать ему новую личность, новую цель.

– Позволь рассказать тебе, кто ты, – сказала она, когда

они уже подходили к его темнице. – Ты студент. Всю жизнь мечтал служить на благо королевству. Но, по сравнению со сверстниками, у тебя была очень тяжелая юность...

– Звучит не так уж и плохо.

– ...и для тебя выиграть это дело – единственный шанс получить допуск к основным экзаменам без предварительных испытаний.

Заклоченный потер ладонью затылок.

– Понятно.

– Кто ты? – спросила его Хэсина, словно была преподавателем.

– Студент.

– Кем желаешь стать?

– Государственным служащим.

Она одобрительно кивнула, но заключенного, видимо, что-то беспокоило.

– Эм, а что я изучаю?

– Ты изучаешь... – Она перебрала в голове все предметы, которым ее обучали, и выбрала тот, который ненавидела меньше всего.

– Сельское хозяйство.

– Сельское хозяйство.

– Да. – Она прикажет, чтобы ему передали ее учебники. Она лично расскажет ему про племенных овец и роль сои в севообороте.

– Можно я предложу другой вариант? – спросил заклю-

ченный, когда они остановились перед дверью в его камеру.

Он отверг ее предложение. Это задело ее едва ли не сильнее, чем украденный ключ.

Кстати, о ключе...

– Вы сказали, что короля отравили, – продолжил он.

В этот момент Хэсина потянулась к его руке, но заключенный уже подносил ее к замку. Их пальцы соприкоснулись. Что-то внутри нее вздрогнуло, как вздрогнула дверь, прежде чем распахнуться.

Заключенный зашел в камеру и запер ее изнутри.

– Может быть, я буду изучать что-нибудь, связанное с ядами? – спросил он, протягивая ей ключ сквозь прутья решетки. – Например, медицину.

Ее пальцы все еще горели от его прикосновения. Она постаралась взять ключ, не дотрагиваясь до его руки.

– Хорошо. Пусть будет медицина. Как только объявят суд, я дарю тебе помилование. – Она доверяла ему не настолько, чтобы освободить сейчас же.

Он кивнул, как будто полностью ее понимал.

– А пока... – Хэсина не знала, как закончить предложение. Правосудие, которого она так жаждала, было у заключенного в руках. Это делало ее уязвимой. Безрассудной. Ей хотелось умолять его, обещать все, что угодно, лишь бы он поклялся, что выяснит правду.

Она заставила себя отодвинуться от решетки.

– Кто ты?

– Студент.

– Я не об этом. Как тебя зовут?

– У меня много имен.

– Какое тебе нравится больше всех?

Задумавшись, заключенный прикусил нижнюю губу.

– Акира, – наконец произнес он.

– Акира, – повторила Хэсина, чтобы запомнить, а потом отвернулась. Она была обезоружена, но не побеждена. – Увидимся в суде.

Шесть

Правитель, бросивший свой народ, не имеет права называться правителем.

ПЕРВЫЙ из **ОДИННАДЦАТИ** о монархах

Носи простую одежду. Ешь простую пищу. Все мы когда-то были обычными людьми.

ВТОРОЙ из **ОДИННАДЦАТИ** о монархах

За ночь пришло множество подарков в честь ее коронации, и до конца дня ей предстояло получить еще немало подношений. Но уже сейчас она держала в руке то, о чем мечтала больше всего на свете.

Меморандум Совета расследований

В первый день 10-го месяца 305-го года новой эпохи,
по результатам двухдневного рассмотрения дела об
{ УБИЙСТВЕ КОРОЛЯ }

Совет под руководством председателя заключил, что
в нем достаточно улик и подозреваемых.

Пусть правосудие свершится в зале суда.

– Прикажете обнародовать? – спросил паж.

– Пока нет. – Она с изумлением перечитала меморандум. Слова были живыми. Настолько живыми, что сочились кровью, оставляя на ее пальцах следы чернил. Наконец Хэси-на положила документ на стол, ломившийся от новых карт,

книг, кисточек и весов, – даров, отправленных министрами и придворными.

Сегодня вечером. Эта мысль была подобна удару в живот. Ее коронация состоится *сегодня вечером*. Еще два дня назад она молила мать благословить ее. В отличие от материнского благословения, меморандум не заставил себя долго ждать. Он пришел как раз вовремя. Вечером она обнародует свой первый указ, который задаст тон всему ее правлению. Сложно было представить себе более подходящую возможность объявить о предстоящем слушании. Внезапно ей показалось, что до вечера еще слишком долго ждать.

Хэсина уже написала свой первый указ. Затем она написала свое первое распоряжение о помиловании и вручила его пажу вместе с небольшим кошельком. В нем лежали деньги, которых должно было хватить, чтобы провести в столице несколько ночей.

– Проследи, чтобы он хорошо питался. – Было крайне желательно, чтобы Акира успел набрать до заседания суда хотя бы несколько цзиней²⁶. – А еще достань ему новую одежду. – К сожалению, у них не было времени делать заказ у портного. – Купи ему лучшую студенческую форму, какую только сможешь найти. – Волосы! Она едва не забыла о волосах. – И своди его к парикмахеру. Я хочу, чтобы он выглядел опрятно.

– Хорошо, дянся. Но я хотел бы узнать... Он силен?

²⁶ Цзинь – весовая мера в Китае, приблизительно 500 граммов.

– Что?

– Он быстро бегают? – спросил паж. – Я боюсь, что не смогу догнать его, если он убежит.

– А. – Хэсина откинулась на спинку кресла. – Не волнуйся об этом.

Паж обеспокоенно нахмурился.

– Заключение, которого только что освободили, непредсказуем. Возможно, нам стоило бы взять с собой охрану.

Хэсина обдумала это предложение. С одной стороны, ей было что терять. Но – с другой – зачем ей мул на привязи? Она хотела доверять своему представителю. Если он нарушит обещание, она посчитает, что уклонилась от пущенной из лука стрелы.

– В этом нет необходимости. Если он убежит, тебе его не догнать, так что даже не пытайся.

Паж отправился выполнять поручения, и в то же мгновение в комнату вошла Лилиан.

– Бедняга, – вздохнула она, когда створки двери захлопнулись за ее спиной. – В первый раз в жизни вижу человека с таким растерянным выражением лица. Что ты с ним сделала?

Хэсина повертела в руках новые бронзовые весы.

– Ничего постыдного.

– Хорошо. Я бы расстроилась, если бы что-то такое произошло без меня. – Лилиан приподняла руку, через которую был перекинут рюцонь. – Я пришла к тебе с дарами из ма-

стерской. Ну как, нравится?

– Похоже на похоронные одеяния. – Из чего Хэсина сделала вывод, что это был ее наряд для коронации. Весь костюм – от развевающихся рукавов до парчовой накидки биси²⁷, которая свисала с пояса до середины юбок, – был белым. Лишенным цвета и жизни, сшитым не из шелка, а из грубого льна. Разумеется, так и задумывалось. Коронация представляла собой не столько празднование, сколько дань памяти – повод вспомнить, что нынешнее мирное время было построено на крови прошлого.

Лилиан склонила голову набок.

– Ты права. Ему недостает цвета. Может, мне сделать его поярче?

– Пожалуйста, не надо. – Она и без того возмутит толпу, объявив об истинной причине смерти короля. Нет, она облачится в белое, и у нее найдутся на то свои причины. Пока остальные будут скорбеть о героях прошлого, она станет оплакивать принцессу, которой ей больше не быть.

«Это все ради отца», – напомнила она себе, когда Лилиан ушла и в комнату забежали служанки. Пока ей припудривали лицо, Хэсина представляла, что они с отцом посыпают рисовой пудрой свои оперные маски. Пока ей помогали надеть рюцюнь, она представляла, что они с отцом примеряют костюмы. Но когда девушки начали тянуть ее за волосы, пытаясь уложить их в прическу, противоречившую законам

²⁷ Биси – накидка в виде фартука, часть ритуального ханьфу.

природы, ей захотелось, чтобы отец и правда пришел и увел ее прочь по тайному коридору.

Но отец больше никогда не сможет ее спасти.

Вместо него на помощь Хэсине пришла Мин-эр, ее придворная дама. Она ворвалась в покои принцессы и, отогнав от нее всех служанок, заняла свое место у туалетного столика.

– Как же вы выросли, – мягко проговорила она, доставая коллекцию шпилек. – А кажется, еще вчера были совсем крошкой – ростом с мою руку от кончиков пальцев до локтя. Вы тогда терпеть не могли купаться.

«Дети – странные создания», – заключила Хэсина.

– Надеюсь, я доставляю тебе не слишком много хлопот, – сказала она.

– Ну что вы, цветочек мой. Хлопоты мне доставляет лишь бег времени.

Ради Мин-эр Хэсина попыталась улыбнуться, а потом взглянула на грудку шпилек, лежавшую перед ней. Их украшали гранаты, опалы и сапфиры. Полудрагоценные и драгоценные камни, достойные королевы. Но одной шпильки не хватало.

– Мин-эр, а где... – Хэсина не договорила: ее придворная дама медленно опустила последнюю шпильку в самый центр стола.

Она была высечена из белого нефрита, а на ее верхушке, распахнув крылья, застыл летящий журавль. Мастер тща-

тельно вырезал каждое перышко и покрыл обсидианом кончики тех, что были длиннее.

Отец подарил ее Хэсине тогда же, когда начал дарить свою любовь: как только она родилась, пусть ее ручки были слишком малы, чтобы обхватить украшение. На ее глаза навернулись слезы, и она закрыла их, чтобы Мин-эр ничего не заметила.

Придворная дама трижды провела расческой по волосам Хэсины – раз, два, три, – когда створки двери с грохотом раздвинулись.

Хэсина распахнула глаза. Ее служанки упали на колени и прижались к полу, как того велел обряд коутоу. Ничто не закрывало ей обзор, и она увидела в дверях свою мать.

Королева стояла в лучах полуденного солнца. Ее волосы были растрепаны, а лицо казалось изнуренным. Верхние края ее тонких одежд распахнулись и обнажили шрам, который, словно веревка, опоясывал ее шею.

Хэсина сглотнула и почувствовала, как дернулось ее собственное горло. Она не представляла, что могло оставить на шее королевы шрам, шириной и округлостью напоминающий воротник, но его вид заставлял ее нервничать.

Ее мать прошествовала по передней комнате, прошла под расписной балкой, затем мимо двух сложенных шелковых ширм, на которых были вышиты журавли, и ступила во внутренние покои Хэсины.

– Оставь нас, – произнесла она, останавливаясь у туалет-

ного столика дочери.

Мин-эр опустила шпильку, и сердце Хэсины упало. Вдова короля отдала прямой приказ; Мин-эр не могла послушаться. Но Хэсине было больно видеть, как женщина, которую она любила, как родную мать, смиренно сгибает спину в поклоне. Уходя, Мин-эр раздвинула ширмы, и Хэсина осталась наедине со своей настоящей матерью.

Королева взяла прядь волос Хэсины и стала накручивать ее на деревянную палочку. От этого непривычного проявления нежности Хэсина тут же напряглась. Нужно было сказать что-то, подобающее дочери, но перед ее матерью притворяться не было смысла. Поэтому она промолчала и перевела взгляд на бронзовое зеркало, отражавшее их лица.

Их сходство всегда поражало Хэсину. Радужки их глаз были скорее черными, чем карими, кожа – скорее оливковой, чем персиковой. Черные как смоль волосы никогда не выгорали на солнце, и каждая прядь была прямой, как стебель бамбука. Они с матерью казались одним и тем же человеком – только в два разных периода жизни.

Но сегодня щеки матери горели румянцем. Она тяжело дышала, и сквозь сладковатый запах лака пробивались нотки чего-то еще – ясные и при этом горьковатые, словно пепел, словно лед, словно...

Вино из сорго²⁸.

²⁸ Вино из сорго, или китайское вино – напиток, полученный в результате процесса преобразования, ферментации злакового растения сорго.

– Что ж, – начала королева, прежде чем Хэсина успела спросить, зачем она пила вино, когда придворная врачевательница настрого это запретила. – Я слышала, ты отправила дело о смерти отца в Совет расследований.

Что это? Уловка? Проверка?

– Да, – ответила Хэсина, перебирая в руках подол верхней юбки.

– Глупенькая девочка. – Мать выбрала длинную, тонкую опаловую шпильку, а не журавля из белого нефрита. – Его наконец-то не стало. Зачем беречь прошлое?

Эти слова прозвучали, словно пощечина. Сердце Хэсины сжалось от боли, потом задрожало от замешательства и ужаса.

– Наконец-то не стало?

Королева начала что-то негромко напевать.

– Отец всегда говорил, что вы потрясающий человек. Что вас отличают невероятный ум и храбрость. – Хэсина должна была замолчать. Извиниться. Забрать свои слова назад. Но она лишь заговорила тише. – Что же с вами случилось?

Рука ее матери дрогнула. Шпилька дрогнула вместе с ней. Острый кончик подпрыгнул – в зеркале отразилась вспышка – и царапнул кожу. Боль пронзила затылок Хэсины. Она прикусила губу, чтобы не вскрикнуть, а потом, задыхаясь, проговорила:

– Я думала, вы его любили. Думала, что хотя бы раз в жизни вы меня поймете.

У ее матери тоже перехватило дыхание — хотя, возможно, Хэсине просто показалось. Королева снова приподняла шпильку, туго скрутила волосы дочери и успешно их заколола.

— Что случилось? Пришло его время. Время пришло для всех нас. Но тем не менее мы выжили. Когда-то мир нас любил. Теперь — нет. Однажды ты поймешь, что значит быть покинутой.

Хэсина понимала это уже сейчас.

Но на этот раз она промолчала.

Пока паланкин принцессы спускали по ступенькам террас, Мин-эр переделала прическу Хэсины. Это было не обязательно. Кто обратит внимание на съехавший набок шиньон, если вдова короля не придет на коронацию собственной дочери? Но Хэсина все-таки не стала прерывать Мин-эр: ее придворную даму это успокаивало, пусть самой Хэсине легче не становилось.

Хэсина оказалась права. Люди были слишком заняты перешептываниями, чтобы обращать внимание на ее волосы. Поднимаясь по ступеням Пионового павильона, стоявшего у основания террас, она слышала обрывки их слов.

— Чем же дочь так ее обидела?

Вскоре им предстояло это узнать.

Со времен Первого и Второго героев коронации всегда проходили под открытым небом, чтобы на них могли прийти все желающие. По той же традиции вслед за Хэсиной по известняковым ступеням поднялся горожанин, выбранный случайным образом. Хэсина склонила голову, и горожанин надел поверх ее короны убор, увенчанный возрождающимся фениксом. Крылья птицы были вырезаны из красного коралла, и весом убор был с булыжник. Каждый раз, когда Хэсина кланялась заходящему солнцу и встающим звездам, ей казалось, что убор вот-вот упадет и раздавит ей пальцы ног. Каким-то чудом он все-таки удержался.

Хэсина выпрямилась, и толпа разразилась оглушительными аплодисментами. Служащие всех шести императорских министерств упали на землю перед павильоном, совершая обряд коутоу.

– Ваньсуй, ваньсуй, вань вань суй!

Толпа вторила им:

– Ваньсуй, ваньсуй, вань вань суй!

Пусть королева живет десять тысяч лет, десять тысяч лет, десять тысяч раз по десять тысяч лет.

Придворный птицевод выпустил в небо стаю журавлей: они взмыли вверх и расцветили высь бело-красными пятнами. Послы Нинга и Ци выступили вперед и преподнесли ей по сундуку. В одном лежали бриллианты, которые добывались на дне Нингских оледенелых озер, а во втором – жемчуг, поднятый из глиняных болот Ци. Послы из Кендии на

коронацию не приехали, но это сейчас волновало Хэсину меньше всего. За ее юбки хватались десятки рук, к ее лицу протягивали плачущих детей. Люди в порыве чувств сдавливали ее, словно слишком тугой корсет. Придворные преподаватели не справились со своей задачей: ни один из них не готовил ее к такому. Ей казалось, что она вот-вот умрет от удушья.

– Расступитесь!

В толпе человеческих тел промелькнула серебристая вспышка.

– Я пришла тебя спасти, – прошептала Лилиан, останавливаясь рядом с Хэсиной. В блестящем серебряном рюцуне с узором из черных медальонов она была ослепительна. Горожане тут же устремились к ней: близнецы казались им физическим воплощением добросердечия короля.

– Ты как раз вовремя, – прохрипела Хэсина.

– Давай обсудим мое вознаграждение.

– Вознаграждение? Разве ты спасаешь меня не по велению своего доброго сердца?

– Это да, но еще я хочу есть.

– Угощайся грызунами. – Пир в честь коронаций обычно бывали скромными, чтобы напомнить людям о тех днях, когда Одиннадцать героев жили в изгнании и обходились гораздо меньшим.

– Вот еще! Спасибо, но нет. – Лилиан передернуло. – Пусть мышей едят кошки.

– Я думаю, это белка. – Или, возможно кролик. Хэсина смутно припоминала, что видела в императорских кладовых что-то пушистое и хвостатое.

– Знаешь что? Я готова предоставить тебе скидку. За свои услуги я требую всего лишь три корзины засахаренных ягод боярышника.

– Я дам пять, если останешься.

К облегчению Хэсины, Лилиан широко ухмыльнулась.

– Договорились.

К тому времени, как они уделили внимание всем желающим, взошла луна. Дворцовые слуги занесли в павильон жаровни, и там, под звездами, знать и простые горожане вместе жарили дикий фенхель и беличье мясо. Придворные актеры разыграли сцену обезглавливания последнего императора. Придворные инженеры запустили свои новейшие фейерверки: в ночном небе расцвели и угасли яркие, как солнце, пионы и азалии.

Все проходило превосходно – по крайней мере, так Хэсине подсказывал ее разум. Наслаждаться праздником, находясь в самом его центре, было затруднительно. Ночной воздух нес прохладу, но взгляды, устремленные на нее, согревали ее кожу. Она мечтала, чтобы время шло быстрее. Оно продолжало ползти, но, наконец, миг, которого она так ждала, настал.

Слуга поднес Хэсине два кувшина с желтым вином. Она подняла один из них, и женщины зашикали на своих детей,

призывая их к молчанию. Рука Хэсины подрагивала под весом кувшина, когда она наклоняла его. Вино полилось на землю, окропив ее в знак почтения всем погребенным и умершим.

– Провозглашаю тост за прошлое и за жертвы, которые пришлось принести ради наступления новой эпохи.

Все склонили головы в память о девяти из Одиннадцати героев, которые погибли прежде, чем пала императорская династия, и за сотни тысяч простых людей, отдавших свои жизни за дело революции.

Внезапно в памяти Хэсины всплыло лицо Серебряной. Ради наступления этой эпохи также погибли десятки тысяч пророков, но она не могла произнести вслух, что сожалеет и об их смертях.

Она подняла второй кубок.

– А теперь я провозглашаю тост за будущее, – продолжила она, сглотнув комок, который подступил к ее горлу от осознания собственной вины. – Моим первым советником станет виконт Янь Цайянь.

Цайянь вышел вперед и кивнул ей. Этого знака поддержки было более чем достаточно.

– Моим первым подарком станет продукт, которого нам не хватает больше всего.

Придворные стражи внесли четыре мешка соли. Согласно древней пословице, соль и вода являлись основой всех жизненных соков. Янь был щедро наделен озерами, реками и

источниками. Но стране приходилось полагаться на Кендию, чтобы получать белые кристаллы, необходимые для медицины и консервации продуктов. Из-за набегов на пограничные деревни торговля между Янем и Кендией шла с перебоями, и цены на соль взлетели до небес. Когда стражи стали делить содержимое мешков между всеми присутствовавшими, люди плакали от благодарности.

Нетерпение мешало Хэсине радоваться этому моменту. Она едва сдерживала себя, ожидая, пока уляжется всеобщее ликование.

– Мой первый указ...

Она глубоко вздохнула.

– ...касается смерти короля. Его жизнь окончилась гораздо раньше, чем должна была. Совет расследований постановил, что в этом деле достаточно улик, и передал его в суд. Правда будет выяснена, и правосудие свершится.

Ночь загустела. Из нее как будто выкачали воздух. Все замерли и затаили дыхание. Хэсина искала в этом море лиц хотя бы одну искру поддержки, но тонула в молчании.

– Суд? – раздался наконец чей-то голос.

– Совет расследований?

– Что там расследовать?

Скрипучий голос прорезался сквозь остальные, словно хруст разломанной трости.

– Ерунда!

Он принадлежал дряхлой старушке, на голове которой все

еще была повязана траурная белая лента.

— Что вы хотите этим сказать? — недовольным голосом спросила она у Хэсины, словно та была непослушным ребенком. — Что короля убили?

Убили. Это слово прошило Хэсину насквозь, встревожив спавшую в ней ярость.

— Да. — В ее голосе звенел лед — точно так же, как он обычно звенел в голосе ее матери. — Да. Есть причины считать, что это так.

— Ложь! — выкрикнул какой-то мужчина. — Это невозможно!

— Кому могло понадобиться убивать нашего короля?

— В постановлениях говорилось, что он умер своей смертью!

Свет факелов бросал на лица людей красные отблески. Их голоса становились все громче, заглушая слова, которые произносила Хэсина. Ее гнев зашипел, словно вода, вылитая на раскаленные камни. На смену ему пришла паника.

Кого она пыталась обмануть? Она не справится. Она не была отцом, который завоевывал любовь своим добросердечием. Она не была матерью, излучавшей уверенность и силу. Она не была ни Санцзином, одерживавшим блестящие победы, ни Цайянем, умевшим рационально мыслить, ни Лилиан, перед очарованием которой никто не мог устоять. Она была всего-навсего Хэсиной — принцессой, которая ерзала на стуле во время уроков и считала, что сельское хозяйство ин-

тереснее политики, а легенды увлекательнее учебников истории. Она была недостаточно хороша. Как всегда.

– Дянься.

Медленно, как будто ее движениями управлял какой-то механизм, находившийся за пределами ее тела, Хэсина отвернулась от негодующей толпы.

Рядом с ней, склонив голову, стояла одна из придворных стражей.

– Только что прибыл гонец из седьмого пограничного легиона генерала Санцзиня, – доложила она. – Он требует встречи с вами.

– Прямо сейчас?

– Да.

Хэсина снова повернулась к толпе и посмотрела на нее затуманенным взглядом. Это был ее народ. Только вот сейчас эти люди больше походили на вражеские отряды, а сама она напоминала форпост, который они стремились сровнять с землей.

– Он не может подождать?

– Он уже здесь, – сказала стражница тихим голосом. – У него мало времени. Его последнее желание – доставить сообщение своей королеве.

Как по команде, раздался стук копыт. Он пробивался сквозь шум толпы, потому что шум этот стал смолкать. Вместо криков раздавались потрясенные вздохи. Увидев всадника, люди отскакивали прочь. Цайянь попытался заслонить

это зрелище от Хэсины, но было слишком поздно. Она успела разглядеть.

Было невозможно выглядеть так, как выглядел всадник, и при этом... оставаться живым.

У мужчины не было лица. На его месте осталось лишь черное, обугленное пятно. Он обгорел так сильно, что веревка, которой он был привязан к коню, протерла на его бедрах не только ткань одежды, но и саму кожу. Из-под нее виднелась багровая плоть. По мере приближения коня взгляду открывалось все больше деталей.

Вдруг из-под надбровных дуг всадника показались два белых червя. У Хэсины перехватило дыхание. Черви моргнули. Это были совсем не черви.

Это были его глаза.

К горлу Хэсины подкатил тошнотворный комок. Ей хотелось убежать. Спрятаться. Вместо этого она шагнула вперед.

– Что произошло?

– Они вернулись. – Голос мужчины посвистывал, словно ветер, пронесившийся по бамбуковой роще. – Они вернулись и присоединились к кендийцам.

– Кто? – Она сделала еще один робкий шаг вперед, приблизившись к коню. – Кто «они»?

Их нельзя назвать людьми. Они...

– Пророки.

...чудовища.

Хэсина не слышала реакцию толпы. В ее ушах звучал

лишь голос брата.

«Мы потеряли деревню, – говорил Санцзинь. – Ее больше нет».

«Это дело рук пророков», – говорил брат.

Ее накрыл страх. Он смешался с отвращением, и вместе они образовали опухоль, которая лишила ее зрения и слуха. Всадник снова заговорил, но до ее сознания доносились лишь отдельные слова:

Был пойман... кендийцы... вылили на него... кровь пророков... подожгли... привязали к седлу... дали единственное поручение...

– ...вы заплатите. – Свист перешел в бульканье. Каждый новый вдох и каждое следующее слово все сильнее пропитывались липкой влагой. – Они передают, что вы заплатите за преступления ваших предков.

Бульканье затихло.

Хэсина дернулась вперед, протянув руку к всаднику. Цайянь крикнул, чтобы принесли воды. Кто-то схватил кубок и подбежал к ним. В этот момент всадник обмяк и повалился вперед.

Больше он не двигался.

Хэсина так и стояла, вытянув руку, но не понимая, к чему тянется. Вокруг нее снова начали раздаваться крики, и она опустила руку, сжав пальцы так, что ногти впились в ладонь.

– Это сделали пророки!

– Это сделали кендийцы!

– Наша королева права! Короля убили!

– Суд! Суд! Суд!

Люди падали перед ней на колени. Министры подходили к ней и говорили, что могут дать советы перед заседанием суда. Хэсина едва сдерживалась, чтобы не закричать. Она была королевой сплоченного народа, но никогда еще она не чувствовала себя такой беспомощной.

II. Суд

Король моргнул, глядя на вещи, раскиданные по кровати дочери. Мешочек пшена, деревянный меч, шпилька из белого нефрита, которую он подарил ей много лет назад...

«Что ты делаешь, Пташка?»

«Убегаю из дома».

«Без меня?»

Она начала укладывать вещи в сумку.

«Ты не пошел бы со мной, даже если бы я тебя позвала».

Он наблюдал, как она пытается засунуть в сумку меч.

«Ты бы ответил, что твое место во дворце. Но у меня здесь нет ничего».

«У тебя есть Лилиан и Цайянь».

«Санцзинь злится, когда я играю с ними. Лучше остаться совсем без друзей».

Король забрал меч из ее рук.

«Постой, дай мне».

Он закрепил меч у нее на спине.

«Давай поиграем в камень, серп и шелк. Если я выиграю, ты останешься дома. Как тебе такая идея?»

Она нахмурилась, обдумывая предложение.

«Ты тоже должен дать обещание. Пообещай, что, если выиграю я, ты останешься со мной навсегда».

Он принял ее условия, и они сыграли. Это была игра на

реакцию, а он прожил много, много лет, за которые успел отточить свои рефлексy. Увидев, что ее маленький кулачок сжмается в камень, он сложил руку в серп, потому что хотел, чтобы она победила. Он хотел дать ей это обещание, хотя знал, что не сможет его сдержать.

Семь

Когда во внутренних покоях императора творится хаос, то же происходит во всем дворце.

ПЕРВЫЙ из **ОДИННАДЦАТИ** о полигамии

В кроватях они проводят больше времени, чем на тронах. Какой мужчина не поступил бы так же, будь у него двадцать наложниц?

ВТОРОЙ из **ОДИННАДЦАТИ** о полигамии

Хэсина не могла вспомнить, когда в последний раз спала.

Сначала она не могла уснуть, потому что у нее перед глазами все время стоял обгоревший наездник. Она видела его лицо среди чайных листьев, оставшихся на дне ее чашки. Она различала его голос в столах и поскрипывании королевской кареты, когда на рассвете после коронации та выезжала из Восточных ворот, увозя мать Хэсины обратно в Оуянские горы.

Потом у нее просто не было времени спать. Оказалось, что двадцать четыре часа в сутки – это слишком мало для королевы. Она писала в Кендию письмо за письмом, требуя объяснений и настаивая на переговорах. Все оставшееся время она читала о пророках, пытаясь понять, насколько сильную угрозу они будут представлять, если – чисто гипотетически – начнется война.

Это был неблагодарный труд. Книги или противоречили друг другу, или в них говорилось о том, что Хэсина и так знала. Все пророки несут зло. Не все обладают магией. Если пророк солжет о своем видении, срок его жизни уменьшится.

Потом Хэсине попался том, к которому она отнеслась с недоверием, так как картинок в нем было больше, чем слов. Там говорилось, что, если пророк скажет о видении правду, к его жизни прибавится год и что благодаря честности некоторые из них могли жить веками.

Наверное, именно поэтому было сожжено столько книг о пророках. Хэсина невесело усмехнулась. Она могла представить, что началось бы, узнай школьники о коротком пути к вечной жизни! Но если чтение являлось единственным способом обрести бессмертие, Хэсина наверняка уже была на полпути к тому, чтобы стать богом. Вдобавок ко всей ее бумажной работе паж принес отчет о придворных, имевших связи с Кендией, и сотни докладов из архива, которые могли послужить образцами их почерков. Теперь стопки бумаги башнями возвышались на ее столе. Пока Хэсина просматривала их, на террасах перед дворцом собиралось все больше и больше людей. Все ждали начала слушания. По королевству рыскал убийца, и народ хотел, чтобы его отыскали.

Хэсина тоже этого хотела. Но она помнила, как увидела в глазах своих подданных желание убивать. Она сидела, сгибая и расправляя меморандум Совета расследований. Бумага покрылась складками, которые напоминали морщинки на

ее нахмуренном лбу. Ся Чжун сравнил правосудие с человеческим телом. Хватит ли этому телу сил, чтобы противостоять гневу народа? Хватит ли сил Совету?

Порой она проводила ночи в тронном зале, обдумывая мучившие ее вопросы. Она шла по блестящей дорожке, выложенной мозаикой в виде змеиных чешуек, поднималась на черную, лакированную платформу, походившую на алтарь, и садилась на трон. За ее спиной оставался резной экран, который образовывали двенадцать панелей из сандалового дерева и мыльного камня. Перед ней тянулся пустой зал, предназначенный для собраний. Его украшали декоративные арки и ярко-красные колонны. Под невероятно высоким сводом расписного потолка, который приказали возвести бывшие императоры, Хэсина чувствовала себя невероятно маленькой. Она просила дать ей совет, хотя и знала, что никто не ответит. Ее подданным нужен был сон, да и в любом случае ни один из их голосов не мог сравниться с голосом ее отца.

Но дата суда приближалась, и Хэсина все больше ощущала, что ей нужны настоящие ответы. Ночью накануне слушания она не пошла по своему обычному маршруту и вместо этого направилась в зал, где заседал Совет расследований. Она была полна решимости увидеть его собственными глазами.

Придворные стражи стояли в конце коридора в два ряда и, казалось, были вооружены лучше тех, что стерегли подземелья. Они поклонились Хэсине, когда принцесса подошла

к каменным дверям, скрепленным цепью и запертым на замок. На створках были высечены обращенные друг к другу половинки изображения мифического существа таоте²⁹. С его рогов свисали бронзовые амулеты и бумажные талисманы. Считалось, что они отпугивают пророков.

Была ли в них действительно какая-то сила? Хэсина прикоснулась к одному из талисманов, и стражи напряглись. Они расслабились, стоило ей убрать руку, но напряглись снова, когда она дотронулась до каменного изображения таоте.

Камень охлаждал кожу. Как бы ей хотелось заглянуть сквозь него. Как бы хотелось увидеть зал, в котором рассматривались все судебные дела столицы.

– Нельзя забывать об уроках прошлого, моя королева.

По ее спине пробежала дрожь. Она обернулась и увидела, что по коридору идет Ся Чжун. В свете канделябра его черный ханьфу казался грязно-коричневым, а кожа – желтоватой.

– Помните? – Он встал рядом с ней, перебирая пальцами четки. – Раньше знатные особы могли заходить в зал Совета расследований, когда бы ни захотели. Они нанимали пророков, чтобы заранее узнать об уликах, подозреваемых и свидетелях. А потом использовали эту информацию, чтобы добиться желаемого вердикта.

²⁹ Таоте – чудовище, изображения которого часто встречаются в орнаментах на бронзовых изделиях Древнего Китая. У зверя огромные круглые глаза с мощными надбровными дугами и крупные разветвленные рога, которые могут изгибаться в спиралевидные узоры.

– Я помню. – Именно поэтому зал Совета теперь охраняли так тщательно. Именно поэтому до начала заседания лишь члены Совета имели доступ к информации об уликах и подозреваемых. Обвинители, обвиняемые и их представители узнавали обо всем лишь во время слушания.

– Тогда зачем вы здесь? – спросил Ся Чжун. – Вы сомневаетесь в эффективности этой системы?

– Нет! – выпалила Хэсина. – Нет, – повторила она уже тише. – Я только... только хотела посмотреть, как она работает. Хотела понять. – Она взглянула на министра в надежде, что он даст ей совет или произнесет слова утешения. Что снова станет ее союзником, как тогда, в покоях матери. – Я столько не понимаю.

– Вам нужно понять лишь одно. – Ся Чжун запустил руку в складки своего ханьфу и достал горсть сухих чайных листьев, потом положил их в рот и начал жевать. Воздух наполнился травянистым, горьковатым запахом. – Нет ничего идеального. Бывает лучше, бывает хуже. Бывает меньше, бывает больше. Было ли лучше раньше, когда люди считали, что король умер естественной смертью? Стало ли хуже теперь, когда вы получили заседание суда и представителя, которых так хотели? Судить вам, моя королева.

– Что думаете вы? – Хэсина больше не знала, что лучше, а что – хуже. Чем ближе она подходила к своим целям, тем туманнее они казались.

– Министр не смеет принимать решения за правителя.

– Но министр должен направлять правителя и помогать ему советом.

Ся Чжун отвернулся от двери.

– Если вы хотите знать мое мнение, единственное, что вы потеряли, – это вера. Ее у вас стало значительно меньше.

– Все, хватит! – провозгласила Лилиан на следующее утро, с шумом опустив на стол Хэсины поднос. На нем стояли блюда с солеными утиными яйцами и тушеными водяными каштанами. – Тебе нужно поесть, поспать и переодеться.

В комнату вошел Цайянь.

– Вложи в голову нашей королевы хоть немного здравого смысла! – приказала ему Лилиан.

– Жизнь королевы очень трудна...

Лилиан ущипнула его за ухо.

– Здравого смысла, я сказала!

– ...и это значит, что вы не сможете справиться со всем в одиночку. – Поморщившись, Цайянь высвободил ухо из пальцев Лилиан и взглянул на образцы почерков, разложенные перед Хэсиной. – Суд должен состояться, моя королева. Вы издали указ, и теперь, как говорится, жребий брошен. Народ ждет. Ваш представитель тоже.

– Он не сбежал? – Хэсина была разочарована. Если бы ей дали такую возможность, она бы сбежала. Куда угодно,

лишь бы подальше от этого дворца, где за один день можно лишиться всей своей веры.

– Нет, королева. – Цайянь протянул ей руку. Она помедлила несколько мгновений, потом взяла ее. Брат помог ей встать. – Он полностью собран и готов.

– И тебе тоже пора! – Лилиан протянула ей сверток, завернутый в шелк. Хэсина развязала ленту.

Внутри лежал рюцунь цвета голубинового крыла. Широкие рукава были по длине расшиты ярко-красными узорами, которые на плечах превращались в перья феникса. Роскошный шелк был тяжелым и охлаждал руку Хэсины. Его складки выскальзывали из ее пальцев, словно угри, пытавшиеся вырваться на свободу.

Она сжала его сильнее.

Цайянь и Лилиан были правы. Она не могла медлить вечно. Она снова обретет веру, пусть даже придется занять ее у близнецов.

Подобно тронному залу, зал суда был возведен в былую эпоху. Необычные чертежи, по которым он был построен, привезли из каких-то далеких земель, лежавших к западу от Цзетинского моря. Придворные архитекторы говорили, что его отличительная особенность – двойной купол, но Хэсина с отцом знали: это не так. Во время слушаний они перегля-

дывались и обменивались улыбками, потому что на самом деле судебный зал представлял собой яйцо. Его острый конец был направлен вверх, а тупой упирался в пол. Когда министры, стуча посохами, обсуждали судьбы королевства, все это происходило внутри яйца.

Но если бы зал суда и правда был яйцом, в тот день он бы раскололся. На балконах, которые опоясывали верхнюю часть зала, толпилась знать. Нижняя часть была забита простыми горожанами, чьи серые, коричневые и бежевые одежды сливались в лоскутное одеяло.

Над нижними рядами изгибался мост. Он начинался у двухстворчатой двери и заканчивался платформой, к которой вел короткий пролет ступеней. По обе стороны от нее находились трибуны для свидетелей. Хэсина и Лилиан вместе прошли по мосту и поднялись в королевскую ложу, располагавшуюся прямо над платформой.

Королевская ложа по большей части пустовала. Цайянь входил в число придворных служащих, поэтому его место было в верхней части зала. Санцзинь сидел в седле чаще, чем на стуле. Королева, по сути, жила в Оуянских горах. Единственным человеком, который неизменно присутствовал в ложе, был ее отец. К горлу Хэсины подступил ком, когда она вспомнила все заседания суда, которые она смотрела, сидя у него на коленях.

Теперь же все люди в зале встали на ноги, чтобы поприветствовать ее. Когда они уселись, на платформу поднял-

ся председатель Совета расследований. Это был коренастый мужчина в традиционной шапке уша³⁰ с торчавшими в стороны завязками и в стандартном ханьфу черного и малахитового цветов. Председатель обернулся к королевской ложе и поклонился.

– Можем ли мы начать?

– Можем, – ответила Хэсина. Она обвела взглядом верхние ряды и нашла Цайяня. Он дотронулся двумя пальцами до подбородка, и она тут же почувствовала уверенность и подняла голову выше. Она перевела взгляд на Ся Чжуна, и тот кивнул ей, прежде чем снова обратить лицо к председателю. Тот уже успел развернуть свиток.

– Добро пожаловать на 305-е заседание суда, – громогласным голосом произнес он. – Сегодня рассматривается дело об убийстве короля. Обвинителем выступает наша королева, Янь Хэсина. На первом слушании будут названы имена представителей и зачитаны предварительные свидетельства. Также будет предъявлено обвинение подозреваемому. Сейчас позвольте мне пригласить в зал суда юных студентов, которые будут представлять обвинителя и обвиняемого. Представитель стороны защиты: Хун Бода из провинции Инчуань!

Огромные створки двери открылись.

Представителем защиты оказался молодой человеком

³⁰ Шапка уша – официальный мужской головной убор образца сунской шапки путоу, которая обрела круглое очертание, повторяющее контуры головы.

среднего роста. Он пытался отрастить бороду, но ему это не слишком-то удавалось. Волоски на его подбородке стыдливо терялись на фоне толстых, словно гусеницы, бровей. В следующий миг эти брови поползли вверх: студент зазевал, прикрыв рот ладонью.

– Далее у нас... – председатель нахмурился, вглядываясь в свиток. – А-ке-ла из провинции Нью.

Слушание только началось, а все уже пошло наперекосяк. Хэсина поморщилась.

– Боже мой, – прошептала Лилиан. – Разве его имя так произносится?

– Нет. – В яньском языке не было символов, которые могли бы точно передать звуки его имени. – Его зовут Акира.

– Так гораздо лучше.

Акира зашел в зал, и Хэсина подалась вперед. С тех пор как они сражались на мечах, прошло три недели, и, пока он поднимался на трибуну, она внимательно его разглядывала. В целом он выглядел... почти прилично. Как и представитель защиты, он был одет в черно-белый студенческий ханьфу, достаточно мешковатый, чтобы скрыть его худобу. Акира не мог оставить свои волосы распущенными, потому что они были слишком длинными, и не мог собрать их в пучок, потому что для этого они оказались бы чересчур короткими, но он хотя бы завязал их в хвост. Синяки и царапины практически сошли с его лица. Из груди Хэсины вырвался громкий вздох облегчения.

Однако Лилиан не была впечатлена.

– Я ожидала большего.

– Чего же?

– Не знаю. Больше силы. Больше мускулов?

– Мускулы очень быгодились ему в суде.

Лилиан фыркнула.

– Никогда не знаешь, что и когда пригодится.

Сейчас Хэсине пригдилось бы какое-нибудь съедобное средство от насекомых, чтобы убить всех стрекоз, которые, казалось, летали в ее животе. «Сегодняшнее слушание – всего лишь формальность», – напомнила она себе. Объявление представителей, предварительных свидетельств и подозреваемого можно было сравнить с раздачей экзаменационных заданий. Сам экзамен был еще впереди. Стоило ей перенервничать сейчас, и она рисковала пропустить настоящее слушание.

Председатель начал перечислять предварительные свидетельства. Короля отравили; сама Хэсина предоставила суду половину образца яда. В день его смерти никто не выходил из дворца. Никто туда не заходил. Хэсине было прекрасно известно, что существовали и другие способы проникнуть во дворец, но о тайных проходах знали только они с отцом. Эти коридоры не были нанесены ни на одну карту, а значит, вряд ли убийца мог оказаться чужаком. Нет, преступление совершил человек, живший в их королевстве.

Человек, живший во дворце.

Председатель скрутил свиток, и в животе Хэсины заби-
лось еще больше стрекоз.

– Наконец, позвольте мне представить первого подозре-
ваемого.

Он назвал титул. Назвал имя.

Эти имя и титул фальшивой нотой прозвенели в ушах Хэ-
сины.

Это было невозможно. Нелепо.

Как в убийстве короля могли заподозрить его любовницу,
которая даже никогда не покидала стен Южного дворца?

Створки двери открылись, и все вытянули шеи: супруга
Фэй была самым таинственным членом королевской семьи и
вызывала у людей непроизвольный интерес. Хэсина словно
приросла к стулу. Когда вместо супруги Фэй в зал вошел ее
сын Жоу, она была поражена, но даже тогда не смогла сдви-
нуться с места.

Пока Жоу поднимался на платформу, с верхних рядов
доносились громкие перешептывания. Председатель нахму-
рился.

– Носите ли вы титул Благородной супруги? Отзывается
ли на имя Фэй?

– Нет.

Услышав тонкий голос сводного брата, Хэсина пришла в
себя. Когда председатель задал следующий вопрос, ее словно
обдало волной холода.

– Это вас обвиняют в цареубийстве?

Нет. Смятение прошло, и теперь Хэсина чувствовала тошноту. Супруга Фэй. Цареубийство. Эти слова сочетались так же плохо, как свадебная баллада и похоронная церемония.

– Нет, – повторил Жоу.

– Тогда почему вы здесь? – спросил председатель.

Жоу, одетый в бледно-голубой ханьфу, который был ему слишком велик, дрожал всем телом. Он снова заговорил, стараясь, чтобы его пронзительный, срывающийся голос звучал уверенно, и Хэсина поморщилась от жалости.

– Произошла ошибка. Мама никак не могла убить отца.

Презрительные смешки посыпались на него как с верхних рядов, так и с нижних. Председатель взмахнул рукавом, и гул толпы утих.

– Ошибка это или нет, решать суду.

– Н-нет.

– Нет?

– Я... я могу поручиться за маму.

– Конечно, – пожал плечами председатель. – Так поступил бы всякий любящий сын.

– Прошу вас. – Жоу повернулся на дрожащих ногах и поднял взгляд на верхние ряды. Он смотрел на них так, словно они были стенами колодца, по которым ему предстояло взбираться.

– Обвинение – это еще не приговор, принц Янь, сын супруги Фэй.

Услышав голос Ся Чжуна, Хэсина тут же перевела на него

взгляд. Он сидел среди других министров, как серый булыжник среди россыпи самоцветов. Но когда он заговорил снова, его голос звучал мягко.

– У вашей матери есть представитель, который сможет защитить ее. Позвольте правосудию идти своим чередом.

Судя по лицу Жоу, слова Ся Чжуна его не успокоили.

– Довольно, – произнес председатель. – Представители, у вас есть двадцать четыре часа до официального начала судебного заседания. Каждый из вас может встретиться со стороной, которую представляет, чтобы обсудить стратегию обвинения и защиты. Объявляю слушание закрытым.

Но никто не встал, потому что не встала Хэсина. Подняться на ноги сейчас означало повести людей за собой. Но как она могла вести кого-то, если не понимала, что происходит?

– Вставай, – одними губами прошептала Лилиан и пихнула ее локтем. Хэсина встала, и все последовали ее примеру. Шуршание, которое разнеслось по залу, прозвучало словно общий вздох. Комок отступил от горла Хэсины, и она вдохнула – как будто в первый раз за все это время. Затем она схватила Лилиан за руку.

– Встретимся в кабинете отца. Скажи моему папу, чтобы привел туда Акиру. Давай же, иди.

Лилиан поджала губы.

– Ты уверена, что можешь идти?

– Я справлюсь. – Так или иначе она выберется из этого кошмарного места.

Лилиан убежала, а Хэсина медленно спустилась по ступенькам. Когда она вышла из зала суда в зал вечной гармонии, там уже почти никого не было. Но, как назло, не успела она сделать и нескольких шагов, как ее окликнул человек, которого она хотела видеть меньше всего на свете.

– Сестра!

Сначала Хэсина притворилась, что не слышит. Но потом Жоу позвал ее снова, и совесть не позволила ей проигнорировать его во второй раз. Она остановилась между последней парой колонн, которые были высечены из крепкого палисандра и покрыты перламутровыми узорами, изображавшими летящих журавлей, сорок и цапель. Она ждала, когда Жоу подойдет к ней.

Стоило ему оказаться рядом, она пожалела о своем решении: он тут же упал на пол и склонился перед ней в обряде коутоу.

– Моя мать невиновна, – зарыдал он. – Клянусь всеми Одиннадцатью героями.

Едва ли он мог найти для этого более неудачное время. В зале еще оставались придворные, и все они внимательно наблюдали за происходящим. Хэсина торопливо подняла Жоу на ноги.

– Прекрати, – тихо прошипела она, чтобы ее не услышали остальные. – Ситуация и без того тяжелая. У тебя никогда не получится восстановить доброе имя матери, если будешь падать ниц на виду у всех.

– Простите. – От страха зрачки Жоу расширились. Но еще они светились надеждой. Хэсина видела в них отражение своего лица. – Но... значит ли это, что вы верите мне?

Она разглядывала его – своего нелепого сводного брата. Уши Жоу торчали в стороны, а редкая черная челка падала на жемчужный лоб. Она видела его четыре или пять раз в год – а то и меньше, если ей удавалось избежать встреч с ним, – но он совершенно не менялся. Он оставался искренним. Честным. Добрым.

На него было сложно злиться.

– Я поверю тому, что будет выяснено в суде, – громко сказала она, чтобы все услышали ее слова, а потом повернулась на каблуках и пошла прочь. За ее спиной раздался звук шагов. Она мысленно выругалась и двинулась быстрее.

– Хотите и от меня убежать?

По коридору шел Цайянь, выглядевший по-королевски в своем черно-золотом ханьфу виконта. Хэсина выдохнула.

– А, это ты.

Он нагнал ее и пошел рядом.

– Вы в порядке, миледи?

Она едва заметно кивнула.

– Я понимаю, что у вас с супругой Фэй непростые отношения, – проговорил Цайянь, пока они проходили по лабиринту коридора с шелковыми ширмами. – Но не принимайте это слишком близко к сердцу.

Сказать это было легче, чем сделать. Возможно, если бы в

детстве она не переворачивала архивы в поисках информации о супруге и не пряталась в кустах перед Южным дворцом, чтобы взглянуть на женщину, которая украла сердце ее отца, сейчас воспоминания не выступали бы в ее сознании каплями пота.

Они зашли в кабинет короля. Акира сидел на подоконнике в дальней части комнаты, из которой открывался вид на сады. Лилиан лежала на своем любимом топчане и скручивала фигуры из зеленой ленты для волос.

– Супруга Фэй, значит? Что мы об этом думаем?

Цайянь принялся мерить комнату шагами.

– Преступление совершил кто-то, живущий во дворце.

– Но подозревать супругу Фэй? Они серьезно? Это все равно что предположить, что короля убил ты. Да и как она могла это сделать?

– С помощью яда, очевидно.

– Я не о том говорю, дуралей.

– Я понял, о чем ты. – Цайянь дошел до конца комнаты и развернулся. – И у меня тоже есть сомнения. Но мы должны относиться к ней, как относились бы к любому другому подозреваемому.

Относиться к ней, как относились бы к любому другому подозреваемому.

Хэсина стояла у книжных полок в нижней части кабинета. Стоило ей достать определенные книги, и часть шкафа отъехала бы вниз. «Этот тайный проход ведет в сад», – рас-

сказал ей когда-то отец. Тогда она поняла, откуда брались неистощимые запасы свежей хурмы на его столе. Столько вещей, связанных с ее отцом, казались таинственными, а на самом деле имели простые объяснения. Но почему он нарушил брачные клятвы ради супруги Фэй? Теперь ей было никогда этого не узнать.

Но благодаря своим детским расследованиям она знала много чего другого. Услышав слова Цайяня, она подумала, что никогда не сможет относиться к супруге Фэй как к обычному подозреваемому, и тут на поверхности ее мыслей всплыло одно воспоминание.

– Что случилось, На-На? – вскрикнула Лилиан, когда Хэсина ухватилась за край полки, чувствуя, как леденеет ее дыхание.

– Супруга Фэй. Ее дедушка был советником предыдущего наследного принца Кендии.

– Что ты хочешь этим сказать?

Она хотела сказать, что Санцзинь оказался прав, но у нее пересохло во рту и слова не сорвались с языка. Санцзинь был прав с самого начала. Теперь она могла радоваться лишь тому, что он уехал и не видел всего этого.

– Миледи хочет сказать, что кто-то подставил супругу Фэй. – Как обычно, Цайянь пришел Хэсине на выручку, когда она не могла выручить себя сама. Он повернулся от Лилиан к Хэсине. – Вы не верите, что она убила короля.

Она видела, как отец катал на плечах Жоу, – точно так же,

как и ее саму. Порой она замечала на воротнике его ханьфу цветочки глицинии, которая росла у Южного дворца. Хотела она того или нет, она стала свидетелем его любви к супруге Фэй. Она знала правду, которую не смог бы выяснить ни один суд и ни один представитель.

– Лилиан права, – наконец произнесла Хэсина. – У супруги Фэй не было причин убивать отца.

Цайянь в очередной раз добрался до стены.

– Необходимо держать в уме все возможные причины, пока не будет доказано обратное.

– Я думаю, На-На права, – сказала Лилиан. – Но люди ненавидят войну. Они не поддержат нападение на Кендию только потому, что убийца короля как-то связана с этой страной. Тот, кто хочет подставить супругу Фэй, должен это понимать.

Или, возможно, тот, кто хочет подставить супругу Фэй, понял, что люди ненавидят пророков гораздо сильнее, чем войну. Хэсина задумалась. Возможно, теперь этот человек собирался воспользоваться случившимся на ее коронации.

– В любом случае, супругу Фэй с легкостью оправдают. – Лилиан сбросила с пальцев ленту и присела. – Мы сообщим суду, что у нее есть алиби.

– Нет. – Акира спрыгнул с подоконника и спустился по ступеням в нижнюю часть кабинета. Когда он проходил мимо Хэсины, она отошла на шаг назад. Больше он у нее ничего не украдет.

Лилиан вопросительно изогнула бровь.

– Нет?

– Супруга Фэй ведет одинокую жизнь, – спокойно проговорил Акира, шагнув к столу короля. – Если рядом с ней находятся только ее сын, служанки и охранники, кто поверит, что показания этих свидетелей непредвзяты?

– Акира прав. – Хэсина смотрела, как ее представитель ведет пальцем по резной крышке стола, обходя его вокруг. Казалось, что он делает это бездумно, но с Акирой никогда нельзя было знать наверняка. Возможно, в его действиях был какой-то тайный смысл. – Вы же видели, что председатель не дал Жоу выступить в качестве свидетеля.

Лилиан застонала.

– Что же нам делать?

Хэсина ждала ответа Акиры. Он никуда не сбежал и тем самым доказал, что она могла ему доверять. Но одного доверия было мало. Даже сейчас, когда рядом с ней стояли Цай-янь и Лилиан, Хэсине казалось, что она смотрит в темную пасть змеи, которую сама же и призвала. Правда скрывалась за зубами, источавшими яд.

Палец Акиры замер на уголке стола.

– Мы подождем.

Лилиан скрестила руки на груди.

– И это все?

– Подождем. – Он поднял палец. – Посмотрим, не будет ли подтасованных улик. Посмотрим, не будет ли второй пред-

ставитель вести защиту спустя рукава. Либо одно, либо другое обязательно случится, если кто-то действительно хочет подставить супругу.

– А что, если случится и то и другое? – спросил Цайянь.

В первый раз с того дня в подземельях Акира перевел взгляд на Хэсину. Он посмотрел на нее оценивающе, словно хотел вставить нитку в иголку и прикидывал, как сделать это с первого раза.

– Я стану защищать обвиняемую, если вы этого хотите.

Хэсина медленно разжала пальцы и отпустила полку, а потом чуть заметно расправила плечи.

– Да, хочу, – сказала она, надеясь, что ее уверенность никуда не исчезнет.

Мимо нее прошел Цайянь.

– В истории судебных дел не было подобных прецедентов. Представитель обвинения никогда не защищал обвиняемого.

Сердце Хэсины упало.

Лириан закатила глаза.

– Но это же не противоречит закону?

– Никто раньше такого не делал, – сказал Цайянь.

– Значит, не противоречит, – заключила Лириан. – Во имя Одиннадцати героев, прекрати выискивать проблемы, словно рыбные косточки.

Цайянь вдруг остановился и обернулся к Акире.

– Ты готов сделать ставку на то, что в уликах найдутся

несоответствия?

– Рыбные косточки! – воскликнула Лилиан, но уголок губ Акиры уже пополз вверх, и Хэсина заметила, как его глаза плутовски сверкнули.

– Я делал ставки и похуже.

Восемь

У обвинителя и у обвиняемого должно быть по представителю, выбранному из числа перспективных студентов.

ПЕРВЫЙ из **ОДИННАДЦАТИ** о судах

Министр ритуалов должен следить за тем, чтобы представителей выбирали случайным образом.

ВТОРОЙ из **ОДИННАДЦАТИ** о судах

Акира делал ставку на то, что в уликах найдутся несоответствия. Хэсина делала ставку на то, что видение Серебряной сбудется. Многие на этом слушании зависело от удачи, и Хэсина не была уверена, что ей это нравится.

Но что она могла сделать? Ничего, только лишь прийти в зал суда на следующий день. На месте супруги снова стоял Жоу – бледный, с синяками под глазами. Похоже, не только она провела ночь без сна.

Председатель зачитал полный список улик и свидетелей, составленный Советом расследований. Челюсть Хэсины напряглась, и, когда председатель дал слово студенту, представлявшему супругу Фэй, она поймала себя на том, что сжимает зубы до скрипа.

Студент неторопливо вышел вперед, расправил рукава и прочистил горло, а потом произнес:

– Защите нечего сказать суду. Свидетельства обвинения неоспоримы.

– Грешные императоры! – пробормотала Лилиан и взяла Хэсину за руку.

Хэсина закрыла глаза. У нее закружилась голова. Санцзинь знал, что все пойдет именно так, но она его не послушала. Голос брата звучал в ее ушах. Она и правда оказалась слишком наивной, хотя ей полагалось быть мудрой – ведь это она была старшей сестрой.

– Значит, супруга Фэй признает себя виновной в царевубийстве? – спросил председатель.

В один и тот же миг раздалось два голоса. Они произнесли разные слова, и в них прозвучали разные эмоции.

– Нет! – вскрикнул Жоу, и его боль, острая как стрела, пронзила Хэсине сердце.

– Да, – сказал представитель.

Хэсина зажмурилась еще сильнее, а Лилиан крепче сжала ее руку.

– Вы понимаете, что проиграете дело? – спросил председатель.

– Понимаю, – провозгласил студент голосом оперного певца. – Убийство короля затрагивает всех людей, живущих в Яне. Я не смею ставить свои интересы выше общественно-го блага.

Зал заплодировал, словно он поступил благородно. Будто ради истины пожертвовал шансом получить допуск к

основным экзаменам для поступления на государственную службу.

– Меня сейчас стошнит, – проговорила Лилиан.

Хэсина чувствовала себя не лучше. К ее горлу подступило содержимое завтрака (утром она съела немного маринованного дайкона), и она сглотнула слюну, а потом открыла глаза.

На платформу поднимался Акира.

– Хотите подвести итоги? – спросил председатель, оборачиваясь к Акире, который уже проходил сзади него.

– Да. – Акира скользнул мимо, словно хвост за котом, после чего похлопал председателя по спине. Зал ахнул. Председатель застыл, разинув рот. Он даже не помешал Акире, когда тот нагнулся через его плечо и показал на список свидетелей, который он сжимал в руке.

– Можно мне увидеть горничную, которая здесь упомянута?

Председатель захлопнул рот.

– Какая наглость! – вскрикнул он и, отпрыгнув в сторону, поправил свои одеяния.

– Я приму это за согласие.

Председатель что-то проворчал, потом махнул рукой в сторону дверей. Стражи открыли их, и в зал вошла женщина, одетая в кремово-серый рюцонь. По манжетам ее рукавов, окрашенных в нежно-голубой цвет, можно было понять, что она прислуживает супруге Фэй в качестве придворной дамы. Легким, скользящим шагом она прошла по мосту и ступила

за трибуну с высоко поднятой головой.

– Повторите ваши показания представителю обвинителя, – приказал председатель.

– Когда я прибиралась на туалетном столике госпожи четыре дня назад, я нашла ее пудреницу, – начала придворная дама. – Крышка была не закрыта. Я хотела закрутить ее, но вдруг поняла, что пудра в ней не того цвета.

– Как вы поняли, что пудра не того цвета? – спросил Акира, локтем опираясь на свидетельскую трибуну.

Женщина посмотрела на него, как на таракана, которого внезапно заметила в горшочке рисовой каши.

– Потому что она пользуется ей каждый день.

Акира жестом указал на Жоу.

– А ее сын может подтвердить ваши слова о цвете пудры?

– Мужчины не разбираются в таких вещах, – фыркнула придворная дама. – Сначала я подумала, что моя госпожа просто поменяла пудру, хоть это было и странно. Новая пудра не подходила к ее цвету кожи. Потом я услышала, что официальные лица из Совета расследований собирают информацию о подозрительных происшествиях. Я вспомнила о пудре и принесла баночку им.

– Очень разумный поступок, – сказал Акира. Придворная дама бросила на него злобный взгляд.

– Воздержитесь от комментариев, – недовольным голосом произнес председатель. – Вы можете лишь задавать вопросы.

– Хорошо. Подождите... Эм, прошу меня извинить. Я ду-

маю, я понял. — Акира обернулся к придворной даме. — Прошу вас, не могли бы вы продолжить?

Лилиан чуть слышно фыркнула.

— Совет обратился к придворной врачевательнице, чтобы она изучила состав пудры, — чопорно проговорила придворная дама. — Она сказала, что это яд.

Зал разразился вскриками, а Хэсине показалось, что ее горло заполнилось битым стеклом. Она не всегда соглашалась с придворной врачевательницей, но не ставила под сомнение верность этой женщины. Раз она сказала, что пудра отравлена, значит, так оно и было. Конечно, этот яд не обязательно был связан с золотистым облачком газа из флакончика Хэсины. Конечно, его могли подбросить. Но все-таки это был яд. Акира надеялся найти несоответствия в уликах, но сам угодил в свою же ловушку.

— Можно мне взглянуть на эту пудреницу? — спросил Акира.

Прежде чем придворная дама успела ответить, председатель повернул голову в сторону королевской ложи.

— Моя королева, — произнес он. — Мне кажется, ваш представитель не понимает правил судебного слушания.

Затем он обернулся к Акире.

— Мальчик, твоя работа представлять королеву, и только королеву. Ты обличил убийцу и выиграл дело. В следующем году, когда начнутся предварительные испытания, ты сможешь...

– Председатель Лан. – Взгляды всех присутствовавших обратились к Хэсине. Она попыталась выдержать их и не съежиться, словно росток фасоли на жарком солнце. – Мой представитель имеет право изучить любую из представленных в списке улики.

В зале послышались перешептывания.

«Никто раньше такого не делал», – сказал вечером ранее Цайянь.

Но ведь убийство короля тоже расследовалось в первый раз за всю историю судебных слушаний.

И в первый раз в роли представителя выступал заключенный.

Хэсина поднялась на ноги. Все присутствовавшие в зале встали вместе с ней. Она представила, что эти люди – воины, которые шли за ней в бой. Хотя на самом деле они лишь следовали предписаниям этикета, она вобрала в себя ощущение единства, и оно наполнило ее силой.

– Дайте ему пудреницу, – приказала она председателю.

Председатель вытянул руку.

– Пудреницу!

Паж поднес Акире позолоченный поднос, на котором стояла маленькая керамическая баночка.

– У Благородной супруги есть другие баночки, похожие на эту? – спросил Акира, откручивая крышку.

– Нет. Это ее единственная пудреница.

Акира понюхал порошок, потом быстрым движением об-

макнул в него палец.

– Кто сказал, что это яд?

– Я, – пробормотала придворная врачевательница, стоявшая за второй свидетельской трибуной.

– Не могли бы вы описать его свойства?

– Этот порошок получен из высушенного корня цзинь-со. – Судя по голосу врачевательницы, ей не терпелось вернуться в лазарет и заняться своими лечебными настоялками. – Это растение цветет только в сухом и жарком климате. В нашем королевстве его можно найти лишь в нескольких областях, граничащих с Кендией. Если смешать этот порошок с жидкостью, он вызовет мгновенную, безболезненную смерть.

– А в сухом виде?

– Он не ядовит, но при длительном контакте с кожей может оставить ожоги. Так что я бы посоветовала вам вытереть палец.

«Послушайся ее!» – мысленно приказала Хэсина и почувствовала укол раздражения, когда он этого не сделал.

– Значит, это едкое вещество? – продолжил Акира.

– В высшей степени. Оно может даже обесцветить стекло.

Лилиан прорычала себе под нос что-то про Одиннадцать героев и их матерей. Хэсина не сделала то же самое лишь потому, что в ее легких не хватило на это воздуха.

Но Акира сохранял невозмутимый вид.

– У меня для вас задание, – сказал он, оборачиваясь к

Жоу.

Жоу слегка позеленел.

– Для меня?

– Да, для вас. – В голосе Акиры прозвучали свирепые нотки, и зал мгновенно напрягся. – Принесите мне мусор из покоев Благородной супруги.

Наступила тишина.

Потом зал взорвался смехом.

– Прекратите! – завопил председатель, но Жоу уже побежал к дверям. Стражи смеялись наравне с остальными. Они не стали задерживать принца, и он голубой вспышкой пронесся мимо, покинув зал суда.

– Чего Акира хочет добиться? – прошептала Лилиан.

Помочь мне узнать правду.

Но чего он добивался прямо сейчас?

– Понятия не имею.

Чтобы дойти от зала суда до Южного дворца и обратно, нужно было минут двадцать. Жоу ворвался обратно меньше чем через десять минут, с раскрасневшимся лицом и тяжело дыша – видимо, он бежал со всех ног. Поднявшись на платформу, он по приказу Акиры высыпал из плетеной пеньковой сумки все содержимое.

На мраморном полу выросла куча мусора, и председатель сморщил нос.

– Вы что, принимаете зал суда за свинарник?

Акира не обратил внимания на его слова и присел на кор-

точки рядом со смятыми вещами. Потом он поднял что-то белое.

– Это вчерашний мусор?

– Вчерашний и позавчерашний, – мгновенно ответил Жоу.

Хэсина выпрямила спину. Когда ее сводный брат успел обрести уверенность в себе?

– Вы подтверждаете слова принца? – спросил Акира у придворной дамы.

Она обвела кучу мусора взглядом.

– Да. Я думаю, да.

Акира поднялся на ноги.

– Тогда каким образом, – начал он, вытягивая вперед руку, в которой сжимал квадратик белого шелка, – здесь оказался этот носовой платок?

Он поднял его над головой, чтобы зал смог его рассмотреть, и Хэсина прищурилась вместе с остальными.

На белой ткани виднелись следы от розовато-персиковой пудры.

– Такого цвета была пудра супруги Фэй до того, как содержимое баночки изменилось? – спросил Акира у придворной дамы.

– Я не помню.

– Но разве вы не говорили, что только мужчины не замечают подобных вещей?

– Это может быть новая пудра. На ткани цвет иногда ка-

жется темнее.

– Нет. – Глаза Акиры блеснули, как сталь заточенного клинка. – Нанести себе на лицо порошок, разъедающий кожу? Ни одна отравительница не совершила бы подобной глупости.

– Возможно, она использовала другую баночку.

– Но вы сказали, что у нее только одна баночка. Вы сомневаетесь в своих собственных словах?

Придворные и министры зашептались между собой. Хэ-сина посмотрела на ту часть балкона, где сидели виконты, и нашла взглядом Цайяня. До начала заседания он сомневался в Акире, но сейчас у него было выражение лица, которое она знала очень хорошо. Он считал, что у них есть шансы на победу. А он никогда не ошибался.

В сердце Хэсины забрезжила слабенькая, хрупкая надежда. Правда, стоило ей снова обратить внимание на то, что происходило на платформе, эта надежда едва не растаяла. Председатель шел прямо к Акире.

Но Акира перевернул пудреницу, и председатель отшатнулся от облачка розоватого порошка.

– Хватит! Прекрати!

Акира заглянул на дно керамической баночки, а потом вытянул руку вверх, чтобы собравшиеся тоже смогли ее увидеть.

– Внимательно посмотрите на внутреннюю часть. Что вы видите?

– Ничего! Только белый фарфор! – насмешливо крикнул один из придворных.

– Вы уверены?

– Вы что, принимаете меня за дурака?

Губы Акиры дернулись.

– Конечно же, нет. Наоборот, я думаю, вы очень умны, раз вам удалось прочесть мои мысли. Мне кажется интересным тот факт, что яд, который способен обесцвечивать стекло, не оставил никаких следов на этом керамическом сосуде.

Зал затих.

Хэсина повернула голову. Неужели придворная врачевна солгала? Неужели яд на самом деле не был ядом?

– Яд настоящий, – пояснил Акира, протягивая пажу пустую баночку. – Но я осмелюсь предположить, что эта пудреница – лишь копия. Благородная супруга, скорее всего, продолжает пользоваться своей старой пудрой, ни о чем не догадываясь. Я также осмелюсь предположить, что яд пролежал в этом сосуде не больше недели. Если бы вы дали мне время подготовить образец, я бы показал, как выглядит стекло после месяца коррозии. Тем не менее...

Акира посмотрел на Хэсину, и его взгляд ударился о ее сердце, словно камешек, оставляя расходящиеся круги, в которых эхом повторялся один и тот же вопрос.

Говорить ли мне правду?

Она кивнула.

Акира повернулся к залу.

— ...Я думаю, мы можем сойтись на том, что супруге Фэй подбросили этот порошок.

Стыд вспыхнул в ней, словно лесной пожар. Он объял ее грудь, как только она вышла из зала суда. Пока она шла в свои покои, пламя обжигало ей горло, поглощало ее целиком. Но, подобно пожару, стыд не мог буйствовать долго. Когда он выжег все, что только мог, он затрещал, зашипел и усилился.

Стыд превратился в чувство вины.

Хэсина не могла от него спрятаться. Она была виновата в том, чем обернулось первое слушание.

Но не только она.

Хэсина взяла меч и вышла из своих покоев так же быстро, как и вошла. Сила, направлявшая ее, возрастала с каждым шагом. Вина облепляла стыд снежным комом, а ярость расплавляла его. Сейчас никто и ничто не смогло бы ее остановить. Ни амулеты, ни талисманы, ни даже цепи, скреплявшие двери зала Совета.

Стражи попытались преградить ей путь, но она вынула меч из ножен и сделала шаг по направлению к ним. Она бросала им вызов, предлагала достать мечи и защищаться. Когда они не сделали этого, она развернулась к двери и, хорошенько прицелившись, ударила мечом. Еще один удар, и цепи

упали на пол. Стражи попытались удержать ее, но она вывернулась из их рук и протиснулась между каменными створками.

Ей открылся потрясающий вид: все члены Совета, пригнувшись, прятались за длинными столами, словно кролики.

Они боялись ее.

Это открытие на мгновение ошеломило Хэсину. Но она не дала чувствам взять над собой верх. Вот и хорошо. Им действительно стоило ее бояться. Она сама не знала, на что была способна в этот момент. Она перевела взгляд на столы и вдруг заметила лежавшие на них предметы. Ее глаза округлились.

Она медленно подошла к одному из столов.

На нем возвышались стопки книг по генеалогии.

Вот она, правда.

Она направилась к другому столу, усеянному семейными древами придворных, у которых были родственники в соседних королевствах.

Вот она, справедливость.

Она подошла к третьему столу. На нем лежал всего один лист бумаги, исписанный именами. Там числились все люди во дворце – от слуг до министров, – у которых были хоть какие-то связи с Кендией.

Вот они, правда и справедливость, которых она добивалась ради отца.

Она положила руку на этот последний лист и начала сжи-

мать пальцы, чувствуя, как под ладонью формируется миниатюрная бумажная гора.

Она сжала ее еще сильнее.

– Благие герои! – донесся рев из открытых дверей за ее спиной. – Что...

Она обернулась, и председатель замер на месте.

Хэсина почувствовала, как ее руки сжимаются в кулаки и как к ним приливает кровь. Это ощущение было ей незнакомо. В ней klokотал дикий, первобытный гнев, который одновременно наполнял ее ужасом и осознанием собственной свободы. Она решила сосредоточиться на свободе.

Хэсина сделала шаг по направлению к председателю, и он тут же отступил назад.

– Дянься. Прошу вас. Позвольте объяснить...

Он был назойливой мухой, говорившей на языке, который Хэсина не понимала. Она прищурила глаза. Ей хотелось, чтобы он замолчал. Если бы она еще на мгновение задержала взгляд на его лице, на его губах, из которых лились оправдания, она могла бы заставить его замолчать. Но тут она заметила экземпляр «Постулатов», лежавший на столе за спиной председателя.

Срезы страниц были окрашены в зеленый цвет.

Точно так же, как срезы писем, которые конфисковал Санцзинь.

Она набросилась на книгу, как волк на тушу животного. Схватила ее и распахнула на середине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.